

K-14038

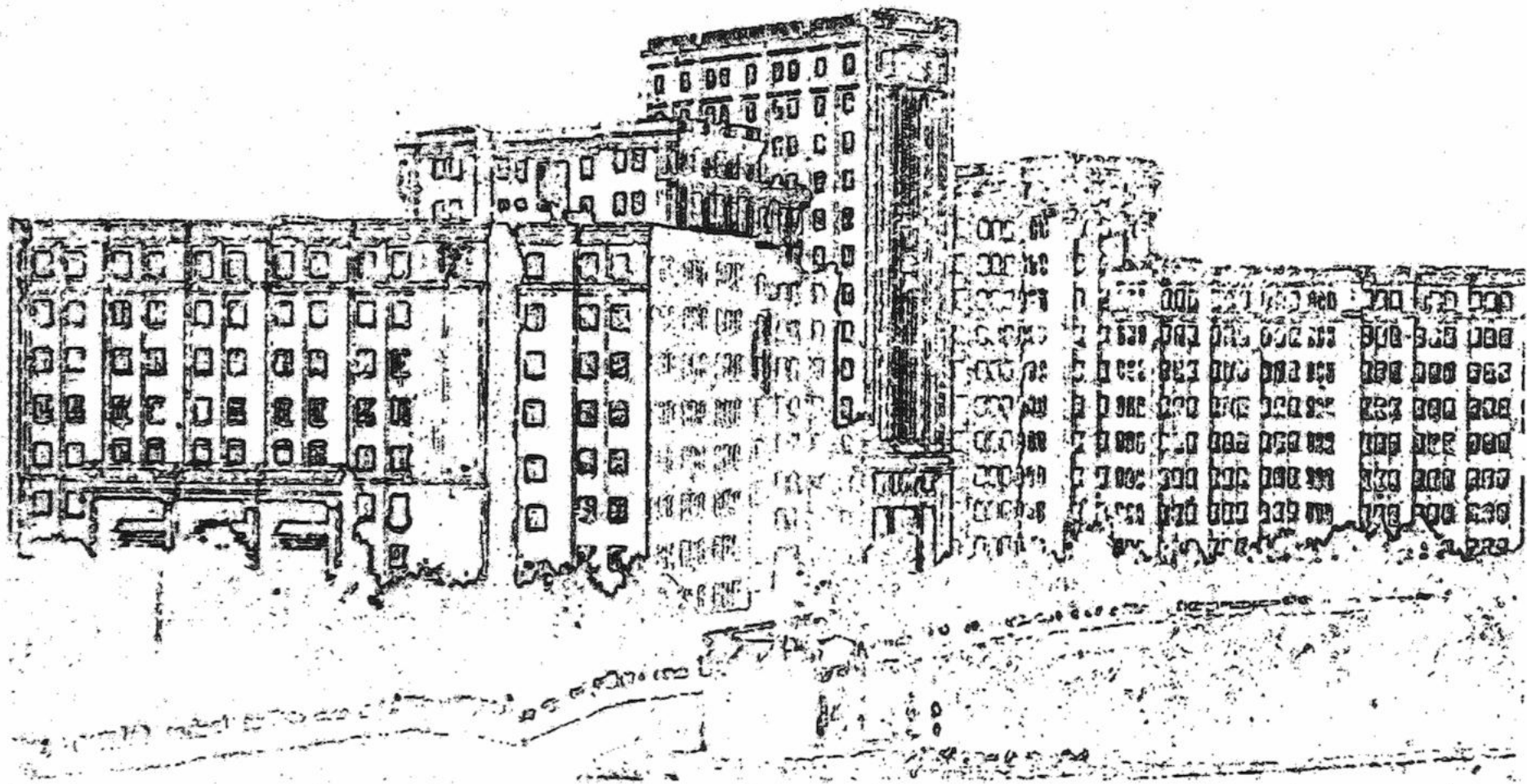
Міністерство освіти і науки України

П 327869

ВІСНИК

Харківського національного університету
ім. В.Н. Каразіна

№ 482

Харків 2000

Міністерство освіти і науки України

ВІСНИК

**Харківського національного університету
ім. В.Н. Каразіна**

Економічна серія

№ 482

Заснований у 1966 р.

Харків 2000

УДК 330

У Віснику розглядаються актуальні проблеми теорії та практики трансформаційної економіки, реформування відносин власності, макроекономічного регулювання економіки. Багато уваги приділено питанням зайнятості та соціального захисту населення. Чільне місце у віснику посідають проблеми світового та регіонального господарства. Спеціальні розділи присвячені питанням управління економікою і підприємством, фінансів, кредиту, обліку та статистики.

Для викладачів, наукових працівників, а також аспірантів, студентів економічних спеціальностей.

В Вестнике рассматриваются актуальные проблемы трансформационной экономики, реформирования отношений собственности, макроэкономического регулирования экономики. Большое внимание уделяется вопросам занятости и социальной защиты населения. Важное место в вестнике занимают проблемы мировой и региональной экономики. Специальные разделы посвящены вопросам управления экономикой и предприятием, финансам, кредиту, учету и статистики.

Для преподавателей, научных работников, а также аспирантов и студентов экономических специальностей.

Об'єднана редакційна колегія:

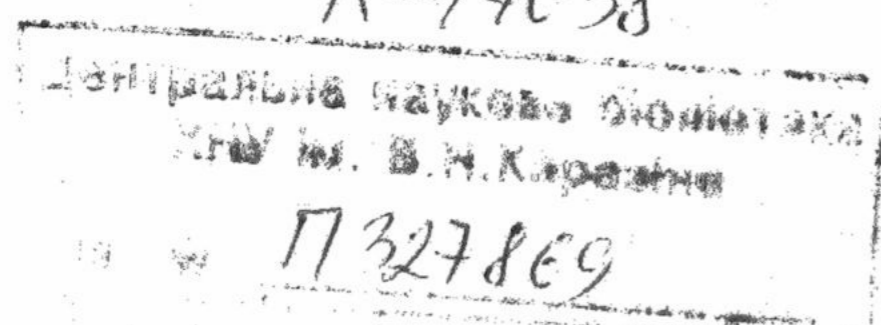
Галуза С.Г. – док. екон. наук, проф. – головний редактор.
Булаєнко Л.І. – канд. економ. наук, доц., – заступник головного редактора.
Воробйов Є.М. – док. економ. наук, проф.,
Бабич В.П. – док. економ. наук, проф.,
Глущенко В.В. – док. економ. наук, проф.,
Гриценко А.А. – док. економ. наук, проф.,
Голіков А.П. – док. географічних наук, проф.,
Забродський В.А. – док. економ. наук, проф.,
Кім М. М. – док. економ. наук, проф.,
Кац А.Б. – канд. економ. наук, доц., відповідальний секретар.
Селіванов В.М. – канд. економ. наук, доц.,
Семеняк І.В. – док. економ. наук, проф.,
Штучний В.Г. – канд. економ. наук, доц..

Редакційна колегія збірника:

Антоненко Л.О. док. екон. наук., проф., Багатир О.Є., канд. екон. наук, доц.,
Задорожний Г.В., док. екон. наук, проф., Лисовицький В.М., канд. екон. наук, проф.,
Соболев В.М., док. екон. наук, проф., Ткаченко І.Я., канд. екон. наук, проф.,
Тютюннікова С.В. докт. екон. наук, проф., Яременко О.Л., докт. економ. наук. проф.

Друкується за рішенням Вченої Ради
Харківського національного університету
ім. Каразіна. Прот. № 7, від 29 вересня 2000 р.
Адреса редакційної колегії:
310002, м. Харків, вул. Мירוносицька, 1,
економічний факультет ХНУ, тел. 45-75-50

© Харківський національний
університет ім. Каразіна, 2000

Раздел 1. Экономическая теория. Мировая экономика.

Матвейук С.Р.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОЗНАНИЯ ФЕНОМЕНА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Теория, получившая название “эволюционная экономика”, организационно оформилась в последние десятилетия XX в., хотя практика использования эволюционного подхода к анализу развития общества насчитывает почти два столетия. Эта теория рассматривает экономику как эволюционную открытую систему, испытывающую постоянные воздействия внешней среды (природы, культуры, политической обстановки и т. д.) и реагирующую на них. Базовым здесь является предположение, что состав действующих в экономике лиц меняется по законам естественного отбора. Эволюционизм отрицает важнейший постулат неоклассической теории – стремление экономики к равновесию, рассматривая его как нетипичное и очень кратковременное состояние. Влияние факторов, способствующих стремлению системы к равновесию, перекрывается более мощными внешними (экзогенными) воздействиями и, что самое главное, внутренними (эндогенными) силами, порождающими в системе состояние напряженности, бесконечный процесс изменений и развития. Первоисточником этих эндогенных сил, как будет показано далее, является предпринимательство.

Мысль об уподоблении экономических процессов биологическим, об аналогии между хозяйственной сферой и живой природой высказывали еще в XVIII в. А. Смит, Б. Мандвиль, Д. Юм, Т. Мальтус и др. После создания эволюционной теории Ч. Дарвина английский философ Г. Спенсер на основе идей всеобщего развития и селекции разработал универсальную философскую систему, описывающую движение природной и социальной жизни на принципах эволюции. При этом существует мнение, что именно великие экономисты прошлого А. Смит и Т. Мальтус оказали влияние на формирование взглядов Ч. Дарвина, в частности, на определение им естественного отбора как ключевого понятия в эволюционной теории. [3]

Для иллюстрации постепенного развития эволюционной экономики и создания одной из составляющих ее частей – теории предпринимательства – назовем несколько имен известных экономистов, внесших особый вклад в их разработку.

А. Смит рассматривал экономику как сообщество простых товаропроизводителей, каждый из которых действует совершенно самостоятельно, но под управлением “невидимой руки”, называемой рынком [6], а Т. Мальтус представлял население как популяцию индивидов, борющихся за обладание ограниченными ресурсами в динамике [4]. Это типично эволюционный подход.

К. Менгер уделил большое внимание исследованию понятия денег, в том числе и в историческом аспекте. Он рассматривал денежное обращение как социальное явление, а сами деньги как некий экономический эволюционный институт, который появился и видоизменяется именно в процессе эволюционного развития. [5]

Т. Веблен одним из первых использовал термин “социально-экономическая эволюция”. [1] Он является автором ключевых идей и концепций, образующих современную эволюционную теорию. Отвергнув представление о человеке как о рациональном атомарном “гомо экономикус”, раскрыв само понятие социально-экономических институтов как устойчивых социопсихологических и социоэкономических структур, происходящих из инстинктов, привычек, традиций и социальных норм большой общности людей [10, с. 239], проанализировав пути и формы развития этих институтов, Веблен по существу положил начало собственно эволюционной экономической теории. Он сформулировал понятие “кумулятивная причинность” (“cumulative causation”), которое может трактоваться также как “положи-

тельная обратная связь". Эффект "кумулятивной причинности" Веблен объяснял тем, что действия, направленные на достижение цели (а такова, в сущности, вся человеческая деятельность), в принципе могут разворачиваться до бесконечности: в процессе деятельности меняется и человек, и цель, к которой он стремится. Подобное наблюдение, утверждал Веблен, применимо и к экономике. Поэтому "современная наука все в большей мере становится теорией процесса последовательных изменений, понимаемых как изменения самоподдерживающиеся, саморазвивающиеся и не имеющие конечной цели". [10, с.37]

Говоря об изменении экономических институтов, Веблен объяснял их разнообразие естественным отбором. Причем принципы функционирования институтов приложимы к индивиду, так как он склонен действовать на основании самоподдерживающихся социокультурных норм (привычек, стереотипов) и общепринятой практики (разнообразных "рутин"). Они служат ориентирами в очень сложном и меняющемся мире, полное знание о котором недоступно человеку. Принципиальная неполнота наших знаний является одной из определяющих характеристик экономического поведения индивида: оно является лишь частично рациональным (принцип "ограниченной рациональности"), не максимизирующим полезность, в высокой степени ригидным (негибким), и в большой степени неопределенным.

Подчеркивая роль фактора неопределенности в экономической жизни, Р. Нельсон признал принцип случайности ключевым признаком эволюционной теории, так как он очень важен для анализа центральной ее проблемы – механизмов и критериев отбора. [14, с.63] Поскольку эволюционная экономика опирается на дарвиновские принципы селекции, в нее перенесен критерий "выживания наиболее приспособленного", то есть сохранения и распространения тех институтов, которые обладают наибольшим набором "социально целесообразных" признаков. Такие институты помогают "выживанию" группы людей или всего общества.

Из ученых XX в. наибольший вклад в развитие эволюционной экономики внес Й. Шумпетер. Он исследовал движущие силы экономической динамики путем построения теории так называемых циклов деловой активности (business cycles) – волнообразных чередований периодов относительного процветания и депрессии, которые впервые были обнаружены Н. Кондратьевым. [3] Изучая эндогенные механизмы экономических циклов любого вида (а не только волн Кондратьева), Шумпетер выдвинул гипотезу, согласно которой двигателем экономического развития, которое он представлял как циклический процесс рождающихся внутри экономики структурных изменений, является инновационная деятельность предпринимателей. [9] Дальнейшие практические исследования в области НТП полностью подтвердили подобное видение роли предпринимательства. [11, 12]

Шумпетеровское определение инноваций (нововведений) чрезвычайно емко и включает помимо технических нововведений также организационные, управленческие и маркетинговые инновации, новые рынки, новые источники снабжения, финансовые нововведения и новые сочетания ресурсов. Кроме того, Шумпетер указывал на различия между собственно внедрением и диффузией (распространением) инноваций, то есть между первоначальным коммерческим внедрением нового процесса (или продукта) и последующим его тиражированием. Предприниматели-первопроходцы как бы подготавливают плацдарм для массового "десантирования" предпринимателей-имитаторов и широкой диффузии инноваций.

По утверждению Й. Шумпетера, рынок представляет собой процесс непрерывно сменяющихся друг друга волн инноваций, который он назвал процессом созидательного разрушения (creative destruction), что оказалось весьма плодотворным для развития эволюционной теории в экономике. Он считал, что успех рыночной системы заключается не в эффективном достижении статического оптимального равновесия, а в способности осуществлять динамические изменения в технологии и достигать динамического роста посредством таких изменений. Шумпетер показал, что эволюция сама создает такие механизмы разрушения старого и развития нового, которые являются оптимальными. Слишком быстрое, обвальное разрушение плохо, ибо оно доминирует и пре-

пятствует созданию нового. Отсутствие разрушающего механизма также плохо, так как старое закрывает дорогу новому. В результате эволюция вырабатывает средний, сбалансированный путь.

По сути Й. Шумпетером была впервые предложена последовательная теория предпринимательства, ключевые позиции которой заключаются в следующем:

1. Функция предпринимательства состоит главным образом в революционизировании и реформировании производства путем использования разнообразных возможностей для выпуска новых или старых (но новым способом) товаров, открытия новых источников сырья, рынков сбыта, реорганизации производства и т.д. Содержанием предпринимательской деятельности, таким образом, выступают “осуществление новых комбинаций” факторов производства и обращения или разнообразные нововведения.

2. Предпринимательство, по Шумпетеру, – универсальная общеэкономическая функция любой общественной формации. Оно обычно сочетается с выполнением иных видов деятельности (управлением, научными разработками, маркетингом и др.) и не является раз и навсегда данным качеством. Кроме того, по мере экономического развития предпринимательская функция как бы рассеивается среди специалистов. Причем статус собственника, по мнению Шумпетера, не является определяющим и обязательным свойством у предпринимателя.

3. Особое значение для предпринимательства имеет состояние хозяйственно-политической среды. Й. Шумпетер специально исследовал проблемы предпринимательства в условиях рыночно-конкурентной и административно-командной экономических систем. Среда предопределяет не только способы использования возможностей “новых комбинаций”, но и основные типы мотивации предпринимательской деятельности.

Дальнейшее развитие взгляды Й. Шумпетера на предпринимательство получили в трудах Ф. Хайека. [7, 8] Он считал, что высшей и бесспорной ценностью является свобода человека, исключая его подчинение воле других людей, но сообразующаяся с законами гражданского общества. Личная независимость позволяет человеку наиболее продуктивно распорядиться своим потенциалом. Далее основополагающую роль в теории Хайека играет концепция неявного знания. Речь идет о том, что каждый индивид наделен уникальными знаниями, использование которых становится возможным лишь при принятии решений им самим или при активном его участии. Наилучшим же координатором всей совокупности процессов реализации индивидами своих информационных преимуществ, по Хайеку, является рынок. Последний обеспечивает через ценовой механизм информирование индивидов о состоянии спроса и имеющихся возможностях его удовлетворения, а также о пока неизвестных, но потенциально многообещающих областях спроса и предложения. Собственно, зона наибольшей неопределенности рыночной информации и становится ареной “прорыва в будущее”, где разворачивается конкуренция, понимаемая как “обнаруживающая процедура”, как поиск изменений в предпочтениях потребителей и новых средств их удовлетворения. [7, с. 10]

В данном контексте движущей силой поиска новых возможностей является предприниматель, стремящийся достичь наибольшей эффективности симбиоза своих уникальных знаний с рыночной ситуацией и тем самым обеспечить первенство в конкуренции и большой доход. Расширенное понимание всех элементов этой формулы (возможности, знания, рынок, конкуренция) означает, что суть предпринимательства в интерпретации Хайека – поиск и исследование новых экономических возможностей, что это характеристика поведения, а не какого-либо рода занятий, что всякий отличающийся поисковым стилем индивид есть потенциальный предприниматель.

Для полноты характеристики взглядов Ф. Хайека следует добавить, что, во-первых, свобода личности вместе с действием “невидимой руки” рынка и конкуренции обеспечивает наибольшую интенсивность поисковой активности в обществе, эффективность распределения ресурсов и реализацию способностей индивидов. И, во-вторых, несмотря на то, что функция предпринимательства в принципе рассеяна, как считает Хайек, среди всех индивидов, все-таки выделяется особый класс лиц, “готовых опробовать новые возможности”. По наблюдениям Хайека, доля их в различ-

ных частях света “примерно одинакова”. Вызывающее же “столько сетований отсутствие духа предпринимательства” во многих странах “является не прирожденным свойством их жителей, а следствием ограничений, налагаемых существующими обычаями и институтами”. [7, с. 14]

На основании работ Й. Шумпетера, Ф. Хайека и их предшественников можно сделать следующие выводы:

– предпринимательство – это процесс поиска новых возможностей, внедрение новых способов производства, открытость к новым перспективам, преодоление ограничений, это важнейший (хотя и не осязаемый) фактор экономического развития;

– предпринимательство как экономическое явление с необходимостью возникает при наличии двух взаимосвязанных обстоятельств: организационно-хозяйственного новаторства и экономической свободы. Целый ряд других характеристик (несение риска, принятие решений, владение ресурсами, лидерство и т.д.) является либо производным, либо необязательным, либо дополняющим;

– предпринимательство относится к классу особого вида новаторской экономической деятельности, которая заключается в комбинировании производственных факторов, связанных с образованием, изменением или развитием организационных структур с целью открытия или расширения производства тех или иных товаров или услуг. Подобное изменение может принимать множество форм – создание нового предприятия или реорганизация старого, установление новых, модификация или ликвидация существующих связей и т.д.;

– экономическая свобода означает наличие у хозяйственного субъекта определенной совокупности прав, гарантирующих автономное, самостоятельное принятие решений по поиску и выбору вида, формы и сферы хозяйственной активности, методов ее осуществления, использованию продукта и дохода, приносимого этой деятельностью. Конечно, речь здесь не идет о своеволии, любая свобода ограничена множеством обстоятельств, складываясь как результат взаимодействия внешней среды и субъекта. Тем не менее автономия принятия решений при всех возможных степенях выраженности – ключевое условие предпринимательства, без чего “новая комбинация” невозможна ни экономически, ни организационно, ни психологически.

Исторический опыт показывает, что общей тенденцией эволюции экономических культур является усиление их инновационного характера, следовательно, и объективного значения сугубо предпринимательской активности. Успеха добиваются те страны, где существует динамичная, содержащая множество новых возможностей экономическая среда, позволяющая хозяйствующим субъектам создавать, укреплять и расширять свои конкурентные преимущества. Особое значение здесь имеет устойчивость процесса создания новых предприятий, рост и диверсификация действующих. Чем больше хозяйствующих субъектов имеют возможность – проявить свою инициативу и творческие способности, тем меньше разрыв между потенциальными и фактическими результатами развития.

Этот тезис получил блестящее подтверждение в одном из последних трудов П. Друкера. [2] Исследуя развитие экономики США в последней трети XX в., он установил, что ее успехи объясняются интенсивным развитием сектора “высокотеха”, образование которого является следствием активной предпринимательской деятельности. Это дало ему основание назвать современную американскую экономику “предпринимательской экономикой”. Исходя из тезиса, что наиболее важным ресурсом в рыночной экономике является “покупательная способность”, он доказал, что последняя создается предпринимателем-новатором. А “новаторство” (или инновация) не столько технический, сколько экономический или социальный термин. [2, с. 41]

Рассматривая новаторство не только как практическую деятельность, но и как отрасль знаний, основной задачей которой является исследование изменений внешней среды, что потенциально может стать источником предпринимательских возможностей, Друкер дает классификацию последних, раскрывает их содержание и способы использования в процессе предпринимательской деятельности. Следовательно, теория предпринимательства становится эффективным, научно обоснованным руководством к действию активных и должным образом подготовленных людей.

Таким образом, предпринимательство как субъект хозяйствования, культуры, обновления и открытости, а также как особый творческий тип экономического поведения является важнейшим фактором достижения экономического успеха, а подавление предпринимательства равносильно движению в экономический тупик. Теория предпринимательства, хотя и требует соответствующих методических разработок по ее реализации в условиях переориентации экономики Украины, может стать действенным рычагом ее ускоренного развития.

Литература:

1. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984.
2. Друкер П. Як забезпечити успіх у бізнесі: новаторство і підприємництво. – К.: Україна, 1994.
3. Кондратьев Н. Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989.
4. Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. – М.: Прокопович, 1908.
5. Менгер К. Основания политической экономии. – Одесса, тип. Хакаловского, 1903.
6. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962.
7. Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // МЭ и МО, 1989, №12, с.6–14.
8. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: Новости, 1992.
9. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982.
10. Veblen T. The Place of Science in Modern civilization and Other Essays. – N. Y.: Huebsch, 1919.
11. Drucker P. Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles. – N. Y.: Harper and Row, 1985.
12. Freeman C. Schumpeter's Business Cycles Revisited: Evolving Technology and Market Structure. – Studies in Schumpeterian Economics. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990, p.17–38.
13. Hodgson G. Theories of Evolution: A Preliminary Taxonomy. – The Manchester School, 1993, vol. LXI, №2.
14. Nelson R. Recent Evolutionary Theorising About Economic Change. – Journal of Economic Literature. – 1995, vol. XXXIII. P.63.

Давыдова И.А., к.э.н.

СТАНОВЛЕНИЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ЕЕ РОЛЬ В МОДЕЛИРОВАНИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ

Сложные и противоречивые процессы функционирования современных хозяйственных систем порождают настоятельную необходимость понимания закономерностей их протекания, для чего все шире используются методы экономического и социального моделирования. Особенно актуальной эта проблема становится для переходных состояний, в которых решаются вопросы не только темпов и характера, но и направления развития. Моделирование позволяет выбрать наиболее предпочтительный вариант в соответствии с имеющимися возможностями и поставленными целями и прогнозировать ожидаемые результаты.

Разработка многофакторных моделей, учитывающих всю сложность и многообразие экономических ситуаций, предполагает переход на макроэкономический уровень анализа, обращение к теории макроэкономических систем. При этом чрезвычайно полезным оказывается обращение к истории становления и развития макроэкономических представлений различных школ и направлений в экономической науке, позволяющее провести их сравнительный анализ и выбрать наиболее приемлемый для данной ситуации вариант.

В экономической науке выделение микро- и макроэкономических разделов утвердилось далеко не сразу, хотя проблемы эти рассматривались так или иначе всеми экономическими школами. Однако на первых этапах развития экономической теории вопросы микро- и макроанализа не вычленились в самостоятельные сферы, а рассматривались в рамках единой концепции.

Классическая школа, поставив задачу описания механизма функционирования экономики рыночного типа, анализирует как поведение хозяйствующих субъектов и закономерности, ими управляющие, так и процессы, охватывающие движение важнейших народнохозяйственных агрегатов: национального богатства, совокупного продукта, населения, продукции промышленности и сельского хозяйства, внешнеэкономической деятельности.

Уже одна из первых школ классического направления – физиократы – в лице своего лидера доктора Франсуа Кенэ не только сформулировала макроэкономическую проблему выяснения условий равновесия экономической системы в процессе создания и распределения совокупного продукта, но и смоделировать этот процесс.

“Экономическая таблица” Ф. Кенэ описывает динамический процесс движения созданного в обществе продукта в товарной и денежной формах между основными классами тогдашнего общества.

А. Смит, изложивший в наиболее систематизированном виде учение классической школы, рассматривает процессы, происходящие в экономике как с точки зрения определения мотивов поведения хозяйствующих субъектов, направляемых “невидимой рукой”, так и с позиции выяснения общих причин и природы увеличения богатства народов, в связи с чем рассматриваются проблемы экономического роста, расширенного воспроизводства, валового и чистого дохода, накопления капитала. Пятая книга его главного труда специально посвящена вопросам взаимоотношений экономики и государства, государственному регулированию, методам формирования его доходов и расходов.

Говоря о вкладе классической школы в становление макроэкономического анализа, нельзя не упомянуть о французском экономисте первой половины XIX ст. Ж.-Б. Сэе, сформулировавшем важнейший принцип саморегулирования рыночной экономической системы. Согласно “закону Сэя” предложение автоматически рождает спрос при помощи внутренне присущих рыночной экономике регуляторов (гибкие цены, зарплата и ставка процента) и тем самым обеспечивающего бескризисное развитие и достижение экономического равновесия.

Таким образом, классическая школа в лице первых поколений своих представителей попыталась дать общую картину функционирования экономической системы и тем самым значительное внимание уделила проблемам, по сути своей макроэкономическим.

Однако, по мере усложнения и развертывания происходящих в хозяйственной жизни процессов, все более насущными становились вопросы конкретного функционирования экономического механизма рыночной системы, т.е. понимания мотивов, обуславливающих принятие тех или иных хозяйственных решений, осуществления альтернативного выбора того или иного варианта использования ограниченных ресурсов.

В поисках ответов на эти вопросы экономисты все больше сосредоточивали внимание на микроанализе, пытаясь выяснить, чем руководствуются хозяйствующие субъекты, совершая то или иное экономическое действие. Такой подход был положен в основу методологии целого направления в экономической науке, названного маржиналистским или неоклассическим.

Представители этого направления, перенеся центр тяжести экономического анализа на микроуровень, макроэкономические проблемы свели к простой сумме индивидуальных решений. Считалось, что если познаны закономерности поведения отдельных субъектов, то их совокупности будут вести себя в соответствии с теми же закономерностями, проявляющимися лишь в более масштабных формах.

Вскоре однако выяснилось, что целое далеко не всегда может быть сведено к совокупности составляющих его частей. В экономике решения, принимаемые рациональными субъектами, преследующими свои цели исходя из принципа максимизации выгоды, в совокупности не только не умножали эту выгоду, но зачастую вели к прямо противоположным результатам.

Классическим примером является поведение фермеров, каждый из которых, стремясь увеличить прибыль, расширяет объемы производства продукции, а результатом их совокупных действий становится падение цен и снижение прибылей.

С этой проблемой столкнулся представитель лозанской школы маржиналистского направления Леон Вальрас, когда попытался смоделировать процесс установления общего экономического равновесия.

Общее равновесие, понимаемое как сумма равновесий отдельных рынков, описывалось системой уравнений, решение которой позволяло бы определить условия, когда совокупный спрос был бы равен совокупному предложению.

Математически модель Вальраса была безупречной, но практическое ее применение сталкивалось с непреодолимыми трудностями. Задача не имела практического решения из-за своей размерности, поскольку в ней количество уравнений было равно количеству неизвестных. Чтобы определить условия равновесия в масштабах всего хозяйства, нужно было собрать и обработать такое количество информации, которое было не только технически непосильно, но и теряло всякий смысл из-за колоссальных затрат, во много раз превышающих любые возможные выгоды от решения такой задачи.

Суть проблемы заключалась в том, что Вальрас попытался решить макроэкономическую задачу (общее равновесие) микроэкономическими методами, суммируя равновесия, достигаемые на частных рынках. Таким образом обнаружились пределы возможностей микроэкономического анализа и стало очевидным, что существуют проблемы иного уровня, требующие иных подходов и методов решения.

Помимо проблем, возникших в рамках самой теории, толчком к поискам иных решений стала также ситуация, сложившаяся в начале XX ст. в экономике стран рыночной системы. Вопреки представлениям классической школы о возможностях саморегулирующего развития экономики и ее способности автоматически восстанавливать нарушенное равновесие, время от времени возникали кризисные ситуации, а в начале 30-х годов разразился грандиозный экономический кризис, показавший, что происходящие в хозяйственной жизни процессы не согласуются с традиционными представлениями экономической теории.

Необходимы были иные подходы и выразителем этой потребности стал английский экономист Дж. М. Кейнс, выступивший с изложением своих взглядов в 1936 г. в книге «Общая теория занятости, процента и денег».

Кейнс доказывал, что равновесие, достигаемое на отдельных рынках, отнюдь не означает возможности достижения общего равновесия и что предложение не порождает спрос автоматически. Более того, система постоянно сталкивается с проблемой недостаточности «эффективного спроса», поскольку, во-первых, существует «склонность к сбережениям», из-за которой по мере роста доходов расходуется относительно меньшая их доля, а во-вторых, собственники сбережений предпочитают держать их в ликвидной форме и без достаточных побудительных мотивов не превращают их в инвестиции. Это становится причиной кризисных явлений в экономике, в основе которых – неполное использование имеющихся ресурсов: трудовых, капитальных, финансовых.

Выход из этой ситуации невозможен без активного регулирующего вмешательства государства. Оно должно осуществлять прямые закупки на рынке товаров и услуг, осуществлять капиталовложения, тем самым создавая дополнительный спрос, а также воздействовать на экономические процессы через такие рычаги, как ставка процента, бюджетный дефицит и связанную с ним инфляцию, объемы чистого экспорта. С помощью этих мер можно добиться положения, при котором экономика будет приближаться к состоянию «полной занятости», т.е. состоянию, при котором безработица, недогрузка производственных мощностей, свободные финансовые средства будут сведены к минимуму или к своим «естественным нормам».

На основе кейнсианских идей и рекомендаций был построен ряд макроэкономических моделей, описывающих условия, при которых экономика могла бы относительно безболезненно функционировать на основе постоянных корректирующих воздействий, осуществляемых проводимой государством экономической политикой.

Следует отметить, что теория Кейнса и предлагавшиеся им меры воздействия на экономику были рассчитаны на экстремальную ситуацию и имели главной целью вывести хозяйственную систему из кризисного состояния.

В более спокойной обстановке, когда экономика не испытывала кризисных потрясений, акценты в проводимой экономической политике несколько сместились. На первый план выдвигаются уже не проблемы безудержного “накачивания” спроса, а достижения оптимальных темпов экономического роста, при которых экономика находилась бы в наиболее сбалансированном состоянии. Решению этой задачи были посвящены многочисленные исследования, на базе которых были предложены модели экономической динамики (Р. Харрод и Е. Домар) и экономического роста (С. Кузнец, Р. Солоу).

Несмотря на несомненные достижения кейнсианского направления как в области теории, так и в сфере экономической политики, вскоре выявился и ряд недостатков этого подхода.

В частности, недостаточно были учтены особенности влияния на экономику денежного фактора, что с начала 80-х годов привело к обострению проблемы инфляции, ставшей наиболее болезненной точкой в экономической ситуации. Кроме того, политика гибкого реагирования на колебания экономического цикла вела зачастую к результатам прямо противоположным ожидаемым из-за существования временных лагов (запаздываний).

Все это привело к серии фиаско кейнсианской политики, которая не смогла воспрепятствовать довольно разрушительным кризисам начала 80-х годов и переходу в теоретическое контрнаступление постоянных оппонентов кейнсианцев – неолиберального направления, отстаивавшего традиционную классическую идею о саморегулирующих возможностях экономики.

Однако неолибералы уже не могли не учитывать, что экономический анализ необходимо вести не только на микро-, но и на макроуровне. Формируется новая вариация неолиберализма, получившая название “новой классической макроэкономики”, в рамках которой наиболее значительными течениями стали монетаризм, теория предложения, теория рациональных ожиданий. Они предлагают свои модели функционирования экономической системы и решения макроэкономических проблем: инфляции, безработицы, экономического роста.

Монетаристская модель исходила из обнаруженного М. Фридменом феномена опережения изменениями объема денежной массы аналогичных изменений хозяйственной конъюнктуры. Рост денежной массы предшествует циклическому подъему, а сокращение – циклическому спаду. Важное значение имело также соотношение темпов роста денежной массы и темпов роста реального ВВП. Опережение первыми вторых является причиной инфляции, и поддержание устойчивого соотношения между ними становится одной из задач экономической политики. Модель предполагала обеспечение стабильности путем постепенного увеличения денежной массы в соответствии с нормативом, рассчитанным на долгосрочный период (“денежное правило”). Остальные параметры – темпы роста производства, уровень занятости и др. – должны были автоматически подстраиваться под темпы денежного предложения. Вмешательство государства в эти процессы путем проведения дискреционной бюджетной политики приводит лишь к уменьшению способности ценового механизма управлять ими.

Еще более последовательно отстаивали такую позицию сторонники теории предложения. Система государственного регулирования должна, по их мнению, иметь долгосрочный характер и ориентироваться не на антициклическое управление совокупным спросом, а на стимулирование предложения товаров и факторов производства. Центральное место в их модели принадлежит проблеме сбережений и кредитных ресурсов, стимулировать которые предлагается через налоговую систему. Предполагается, что снижение налоговых ставок становится и сокращение бюджетного дефицита вследствие эффекта Лаффера, и стабилизация инфляционного процесса.

Но, пожалуй, наиболее существенный вклад в формирование современных макроэкономических представлений внесли сторонники концепции рациональных ожиданий. Они ввели в макроэкономические исследования поведенческий аспект, который до них рассматривался лишь на мик-

роуровне. Рациональный экономический субъект маржиналистов находил оптимальные решения, исходя из предпосылки обладания полной информацией о будущем. Но на макроуровне царит неопределенность, которая не позволяет получить достоверные знания о результатах совокупных взаимодействий, что обуславливает нерациональность поведения. Из этого исходила и центральная кейнсианская идея о необходимости активного регулирования хозяйственных процессов.

“Новые классики” отвергают такую трактовку и утверждают рациональность поведения и на макроуровне, проявляющуюся в формировании рациональных ожиданий. Предполагается, что экономические субъекты увеличат сбережения, которые будут направляться на инвестирование, создавая новые рабочие места и сокращая безработицу. Долгосрочным последствием снижения налоговых ставок располагают достаточной полнотой информации для предвидения результатов предпринимаемых действий, и реализация любого теоретически предсказуемого результата зависит от того, насколько он является ожидаемым. Характер ожиданий оказывает решающее воздействие на функционирование системы, делая, в частности, неэффективной любую дискреционную политику.

Таким образом весь ход развития экономической науки привел к выводу о том, что несмотря на различие в подходах необходимо рассматривать экономическую систему как двухуровневую структуру, где на микроуровне анализируются закономерности поведения отдельных хозяйствующих субъектов, а на макроуровне рассматриваются процессы, охватывающие хозяйство в целом, выявляются присущие им тенденции и вырабатываются рекомендации для экономической политики. Важно однако помнить, что между двумя уровнями не существует непреодолимого барьера. Это два уровня анализа одного и того же объекта – экономической системы. Разрыв между ними выливается в конструирование абстрактных моделей, с реализацией которых “макроэкономисты” связывают далеко идущие надежды на управляемость хозяйственных процессов и испытывают недоумение, когда результаты оказываются далеки от ожидаемых и даже противоположны им. Между тем, базовые экономические процессы протекают на микроуровне, и при отсутствии соответствующей поддержки со стороны микроэкономической теории любые макроэкономические модели повисают в воздухе. И не случайно важнейшим разделом “новой классической макроэкономики” становится микроэкономический анализ макроэкономических объектов.

Наиболее близко к реализации этой идеи подошла школа рациональных ожиданий, одной из сильных сторон которой является попытка преодолеть разрыв между микро- и макроанализом, что открывает новые возможности перед моделированием экономических процессов.

Дзюба Н.В.

МЕСТО ПРОЦЕССА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА В ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В современной экономической действительности переплетаются тенденции будущего и процессы, которые были характерны для прошедших эпох. К числу последних можно отнести и первоначальное накопление капитала (ПНК). Его механизмы не всегда очевидны, однако результаты настолько явны, что не заметить их просто невозможно. Тем не менее, некоторые авторы называют современное ПНК мифом. [1, 95; 2, 103]

В какой-то мере подобная оценка закономерна, поскольку с точки зрения любого из существующих в экономической литературе подходов (как формационного, так и теорий стадий экономического роста) ПНК в нынешних условиях выглядит противостоестественно, а поэтому и воспринимается не как объективно необходимый и эволюционно обусловленный процесс, а как “одна из самых удивительных выдумок нашего нового истеблишмента”. [3, 17]

Такая характеристика является скорее эмоциональной, чем научной, поскольку вряд ли можно объяснить один из наиболее значимых процессов, происходящих ныне в постсоциалистических экономиках, исключительно субъективными факторами. Необходимо выработать новый подход,

при котором подобные процессы выглядели бы закономерно и который бы рассматривал общество как эволюционно развивающийся в очередном социально-экономическом и научно-техническом цикле объект. [4, 156]

Понимание того места, которое занимают постсоциалистические преобразования (в том числе и ПНК) в общественно-историческом процессе, а также перспектив последнего имеет большое значение для определения конкретных целей и приоритетов экономической политики государства. Общество, подчиняющееся ритмам “догоняющего” развития, не может себе позволить идти наугад, полагаясь на неведомые естественные силы социально-экономической эволюции. Метод проб и ошибок требует слишком много времени и средств. Качественный прорыв на новый этап развития возможен только за счет концентрации ресурсов на определенных научно обоснованных направлениях, выбрать которые в условиях полной дезориентации общества довольно сложно. Чтобы снизить вероятность ошибки, необходимо четко осознавать, откуда и куда движется не только отечественная, но и мировая экономическая система, нужен ретроспективный и перспективный взгляд на современные трансформационные процессы. Кроме того, сама экономическая система должна рассматриваться как самоорганизующаяся, т.е. самостоятельно эволюционирующая в процессе движения от момента возникновения к моменту исчезновения.

Есть еще один немаловажный момент, о котором нельзя забывать при создании нового подхода: социально-экономическая эволюция не должна рассматриваться в отрыве от своего главного субъекта – этноса, поскольку этнологические, политические и культурные тенденции, без сомнения, тесно связаны и оказывают сильное влияние на процессы, происходящие в экономике. Рост научного знания на современном этапе развития экономической теории наиболее продуктивен и перспективен на междисциплинарном поле. [5, 73; 6, 136] Вклад институциональных теорий (которые возникли на стыке с психологическими, социологическими, этическими исследованиями) в расширение научных представлений об экономических процессах является лучшим тому подтверждением. Поэтому, по нашему глубокому убеждению, соединение исторического и синергического подходов с теорией этногенеза может быть весьма плодотворным при выявлении механизмов эволюции экономических систем, даст возможность по-новому взглянуть не только на историю социально-экономического развития, но и на современные трансформационные процессы.

В основе экономической системы общества лежит процесс самоорганизации. [7, 111; 8, 113] Поэтому ее эволюция, как и развитие любой открытой и динамичной системы [6, 137], проходит в узкой зоне компромисса между коллективной и индивидуальной неустойчивостью. Последние представляют собой своеобразные эволюционные тупики, выход из которых возможен только путем самоотрицания системы, превращения ее в свою противоположность. В основе таких переходов лежит чередование двух исключаящих друг друга процессов – иерархизации и деиерархизации. [9, 118] Индивидуальная неустойчивость возникает вследствие чрезмерной централизации экономической системы, которая, разрастаясь, становится неуправляемой и неравновесной. Коллективная неустойчивость является следствием обострения противоречий между децентрализованными элементами системы, что также, в свою очередь, приводит к неуправляемости и неравновесности последней.

Основной характеристикой экономической системы является присущий ей способ производства, который состоит из двух составляющих – технологической и социальной. Технологическую составляющую определяют производительные силы общества, а социальную – производственные отношения. В каждом способе производства они образуют органическое единство, однако, такое единство, при котором “возможно сочетание одного технологического способа с разными социальными и соответственно одного социального способа с разными технологическими”. [10, 118]

Технологическое развитие имеет прогрессивный, линейно-поступательный характер. Историю эволюции технологических способов производства можно разделить на три технологические эпохи (стадии развития): промысловую, аграрную и индустриальную. Переход на следующую

технологическую стадию развития происходит одновременно с зарождением нового этноса, поэтому иногда кажется, что в истории некоторых народов отсутствует промысловая стадия, и эволюция начинается сразу с аграрной эпохи.

Тезис о взаимосвязанности процессов этногенеза и перехода на новую технологическую стадию развития представляется нам весьма существенным для понимания причин и механизмов социальной эволюции. Мы исходим из того, что одной из основных объективных целей нарождающегося этноса является освоение очередного пласта природного пространства, что возможно только с помощью технологий качественно нового типа. В то же время сам этногенез обусловлен, наряду с другими факторами, теми трансформациями в социальном укладе общества, его ментальности, духовных и культурных традициях, которые вызваны коренными изменениями в развитии производительных сил. (Это объясняет, например, различия между тремя этносами, проживавшими на территории России – промысловым древнерусским, аграрным московским и индустриальным советским).

Конкретно-исторические формы социальных способов производства отличаются большим разнообразием. Их характеристики во многом определяются уровнем развития производительных сил и культурными особенностями этноса. Все социальные способы производства можно разделить на две группы в зависимости от преобладающего типа организации общественного производства – натурального или товарного.

В отличие от технологического развития эволюция социальных способов производства имеет более сложную – спиралевидную траекторию. Каждая технологическая эпоха включает в себя две противоположно направленные фазы социального развития. Первой соответствует натуральный тип социального способа производства, второй – товарный. Таким образом, история эволюции экономических систем предстает как последовательная смена трех технологических эпох – промысловой, аграрной индустриальной, каждая из которых состоит из двух фаз – натуральной и товарной.

Эволюция экономических систем может осуществляться тремя способами: путем ароморфоза, идиоадаптации или дегенерации. Ароморфоз экономической системы, т.е. переход к следующей технологической эпохе, совершается одновременно с этногенезом, когда дальнейшее освоение природного пространства (т.е. идиоадаптация) на прежнем технологическом уровне невозможно. Идиоадаптация происходит двумя способами: на натуральной фазе – преимущественно экстенсивными методами, на товарной фазе – преимущественно интенсивными методами. Дегенерация, то есть возврат экономической системы на предыдущую, более низкую стадию развития, достаточно редкое явление. Среди ее причин можно назвать резкое снижение плотности населения и изменения природных условий жизни этноса.

Ароморфоз, дегенерация, а также длительность идиоадаптации определяются эндогенными и экзогенными факторами. К эндогенным факторам относятся: 1) природные условия (климат, богатство животного и растительного мира, плодородие почвы, наличие полезных ископаемых, площадь осваиваемой территории); 2) плотность населения и скорость ее роста; 3) уровень развития техники и технологий. Экзогенным фактором является влияние на данную экономическую систему других экономических систем.

Экономическая система возникает из хаоса коллективной неустойчивости, энтропийным силам которой могут противостоять только крупные устойчивые образования. Они зарождаются в недрах предшествующей системы, обеспечивая достаточный уровень обобществления производства, который является экономической основой тенденции централизации и становятся ядром новой системы более высокого уровня.

Разрушительные энтропийные силы коллективной неустойчивости настолько сильны, что зачастую приводят не только к развалу экономической системы, но и к значительным потрясениям в политической сфере (войнам, революциям или даже потере государственной самостоятельности). Подобные крайние следствия децентрализации вызывают к жизни контртенденции централизации как в политической, так и в экономической сфере.

Политическая централизация приводит к созданию централизованных государств. Характерно, что этот процесс сопровождается утверждением новой идеологии, которая зарождается в конце товарной фазы предыдущей технологической эпохи. Новая идеология способствует концентрации социальной энергии общества, в результате чего экономическая система получает дополнительный импульс развития.

В экономической сфере на натуральной фазе в свою очередь наблюдаются процессы централизации экономической власти, что проявляется в формировании неделимой собственности (феодалного или социалистического типа).

Постепенно усложняясь, централизованная экономическая система становится громоздкой и плохо управляемой. В этих условиях центральные органы власти вынуждены отдать часть своих полномочий нижестоящим уровням управления – хозяйствующим субъектам. Собственность передается в условное распоряжение. Это способствует обособлению хозяйствующих субъектов, порождая тенденцию к децентрализации. Она будет нарастать до тех пор, пока фактическое обладание экономической властью не будет закреплено юридически.

К концу натуральной фазы происходит дифференциация экономических интересов хозяйствующих субъектов. неделимость собственности тормозит развитие частной инициативы. Кроме того, она приходит в противоречие с потребностью в интенсификации производства, поскольку к этому времени экстенсивные методы освоения природного пространства оказываются исчерпанными.

Снижение эффективности управления и хозяйствования, с одной стороны, и требования экономической свободы, с другой стороны, приводят к индивидуальной неустойчивости системы. Растет энтропия. Проявлениями индивидуальной неустойчивости в политической сфере являются войны, революции, ослабление государственной власти – то, что в русской историографии получило весьма точное определение – “смутное время”. Дальнейшее развитие системы “осуществляется посредством и ценой самоотрицания, превращения в другое, противоположное”. [10, 122] Централизация сменяется децентрализацией. Система переходит в товарную фазу.

Одним из наиболее значимых процессов, происходящих в начале товарной фазы, является превращение неделимой (совместной) собственности в делимую (разделенную), что и составляет суть первоначального накопления капитала. В результате появляются разнообразные формы разделенной собственности, ведущими из которых являются частная и государственная – “две взаимосвязанные, юридические формы совместно-разделенного присвоения, которые не имеют самостоятельного существования”. [11, 18] Причем новыми частными собственниками становятся, как правило и в первую очередь, те, кто обладал ею дефакто уже в конце натуральной фазы. Таким образом, трансформация отношений собственности во многом сводится к юридическому закреплению реально уже существующего положения вещей. ПНК осуществляется один раз и более не воспроизводится в той же форме. Смысл этого процесса состоит в создании предпосылок формирования экономической системы товарного типа.

В условиях, когда рушатся преграды на пути развития частной инициативы, освоение природного пространства ведется уже не “вширь”, а “вглубь”. Интенсифицированное производство постепенно наполняет внутренний рынок. Для дальнейшего роста ему требуется выход на зарубежные рынки. В этой связи усиливается роль и значение государства. В это время рождаются торговые империи. Старые идеи натуральной фазы возрождаются, но перерождаются – романтизм сменяется прагматизмом, мессианство – экспансионизмом.

Конкуренция, являющаяся главной движущей силой экономического развития в товарной фазе, порождает тенденцию концентрации ресурсов и экономической власти в руках немногих субъектов. Возникают крупные устойчивые образования, конкуренция между которыми имеет огромную разрушительную силу и приводит систему к неустойчивости, на этот раз коллективной.

Одновременно складываются условия для очередного ароморфоза: 1) конкуренция способствует детальному освоению доступного природного пространства, подводя систему к пределу технологических возможностей данной стадии развития; 2) крупные устойчивые образования повышают уровень обобществления производства и являются ростками новой централизации.

Применение вышеизложенной схемы эволюции экономических систем для анализа современного этапа развития Украины позволяет сделать вывод о том, что отечественная экономическая система находится в начале товарной фазы индустриальной стадии развития. Характерные черты этого типа – децентрализация экономической власти, разделение неделимой собственности, присвоение ее наиболее активными субъектами хозяйствования (прежде всего политической и экономической элитой) в ущерб остальной части общества – имманентны отечественной экономике. Все эти явления, будучи необходимым моментом становления экономической системы товарного типа, представляют собой содержание процесса первоначального накопления капитала.

Литература:

1. Иванов Н. Российская приватизация и альтернативные модели общественного развития. // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – №2.
2. Кучерявенко П.Х., Максименко Я.А. Разгосударствление собственности в переходной экономике. – Х., 1997.
3. Кузнецов В. Рынок и приватизация. // Мировая экономика и международные отношения. – 1992. – №7.
4. Иванченко В. Экономическая наука в поисках разумных компромиссов. // Вопросы экономики. – 1999. – №6.
5. Пороховский А. XXI век и экономическая теория: мировые тенденции и российские реальности. // Российский экономический журнал. – 1999. – №11–12.
6. Коллонтай В. На стыке естественных и общественных наук: вклад И. Пригожина. // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – №4.
7. Рузавин Г. Самоорганизация как основа эволюции экономических систем. // Вопросы экономики. – 1996. – №3.
8. Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Проблема синтеза общеэкономической и институционально-эволюционной теорий. // Вопросы экономики. – 1998. – №8.
9. Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории. // Общественные науки и современность. – 1999. – №6.
10. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства: хозяйство как феномен культуры и самоорганизующаяся система. – М., 1990.
11. Задорожный Г.В. Собственность и экономическая власть. – Х., 1996.

Власенко Н.В.

ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИНВЕРСИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ: ИСХОДНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ

Уже более 10 лет наше общество пытается осмыслить и практически разрешить стоящие перед ним сложные проблемы по выводу экономики из кризиса. Это актуализировало научные поиски в сфере трансформационных процессов, в том числе реформирования отношений собственности как образующих экономическую систему общества. Но экономическая реальность не могла ждать, пока будут выработаны новые фундаментальные теории, на основе которых “пропишут” научно выверенные рецепты реформирования. Специфической чертой процесса трансформации в постсоциалистических странах, в том числе Украине, стало одновременное параллельное развитие теории и практики переходных процессов.

Несмотря на огромные темпы и масштабы осуществляемой приватизации собственности, мы не разрешили ни одной из поставленных задач реформирования: не повысили экономическую

эффективность на микро- и макроуровнях, не осуществили структурную перестройку, не создали инвестиционный климат и т.д. Более того, неудачный механизм приватизации превратил ее в мощный источник социальной и политической напряженности в обществе. Все это заставляет углубиться в поиски новой теоретической парадигмы, отвечающей потребностям инверсионной переходной экономики. Но, на наш взгляд, исследование проблем инверсионной трансформации не может осуществляться в рамках какого-либо одного методологического подхода. Так как сама инверсионность есть соединением в едином пространстве и времени разновременных и разномасштабных переходных процессов: локального, системного, метасистемного и мегасистемного перехода. Поэтому только синтез разных направлений исследования на основе принципа "методологического плюрализма" сможет стать ключом к познанию сложной трансформирующейся системы отношений собственности. Этот принцип и был применен нами для анализа внутренней структуры, форм и прав собственности в инверсионной переходной экономике.

Особенности трансформации отношений собственности в переходной экономике инверсионного типа исторически связаны со спецификой эволюции экономических отношений в предыдущий период развития.

Основные моменты становления отношений собственности в дореволюционной России состоят в следующем:

1) невозможно провести четкую границу между аграрным и индустриальным обществом в России. Россия оставалась в основном аграрной страной в то время, как на Западе сформировалось индустриальное общество;

2) с точки зрения эволюции внутренней структуры собственности наряду с отношениями владения были актуализированы отношения пользования и распоряжения;

3) сложившиеся формы частной и государственной собственности не охватывали всего спектра отношений совместно-разделенного присвоения, что выражалось в наличии общинного владения (но не общинной собственности). С другой стороны, государственная собственность имела основополагающее значение;

4) права собственности были специфицированы не до уровня отдельного индивида, а до уровня общины и крупных землевладельцев.

Кроме того, нужно отметить, что указанные особенности обусловили специфику развития индустриального общества в России. Наличие общинного владения предопределило возникновение промышленного производства сначала в форме артелей, а затем – в форме казенных предприятий, в то время как на Западе частно-капиталистические формы собственности устанавливались в виде мануфактур и фабрик. Существенным отличием артели от мануфактуры являлось сочетание в артели двух форм собственности: частной и общей совместной. В сущности, артель выросла из общины. Отношения отчуждения как характеристика частной собственности не становятся всеобщими. Функционирование артели в сфере рыночных отношений предполагает отчуждение продукта труда от производителя. Но при этом отчуждение продукта не является следствием отчуждения труда. Общая совместная собственность членов артели основана на распределении доли дохода пропорционально трудовому вкладу каждого. При этом трудовые отношения в артели регулировались не правовыми, а нравственными нормами.

Итак, формирование индустриального общества в России можно условно разделить на два этапа: дореволюционный и послереволюционный. Исследование второго этапа требует выделения формального и реального уровней системы отношений собственности.

Особенности второго этапа обусловлены следующим.

Во-первых, историческими предпосылками развития отношений собственности на этом этапе стали остатки общинного владения. Менталитет общинного владения способствовал распространению идеи общественной собственности.

Во-вторых, общемировые тенденции экономического развития через усиление роли государства в экономике реализовались в СССР в виде тоталитарного режима с внешней демократической формой (общенародное государство).

В-третьих, развитие отношений отчуждения является неотъемлемой характеристикой становления индустриального общества. Но у нас их развитие приобретает превращенный вид в силу отсутствия их правового оформления (задекларирована в документах не частная, а общественная собственность на средства производства).

Формальный уровень, на наш взгляд, предполагает исследование отношений собственности с точки зрения их официального отражения в документах.

В СССР формально существовало общественное присвоение в формах государственной, колхозно-кооперативной и личной собственности, что и отражалось в юридических документах [1, 130–131].

В реальности процесс трансформации собственности логически требовал становления отношений отчуждения, адекватных развитию индустриального общества.

Однако логические изменения внутренней структуры собственности не были подкреплены процессами формообразования и их правовым оформлением. В связи с этим возник ряд дополнительных противоречий, не характерных для западной экономики.

В дальнейшем отношения отчуждения закрепились и стали основой сложившегося в СССР общества. При этом, не имея возможности формообразоваться в правовом отношении, они приобрели вид превращенных форм. Формально – общественная собственность, реально – государственная, а точнее ведомственно-монополистическая. Ведомственно-монополистическая собственность, по сути, есть форма частной собственности, реализовавшаяся в реальном отчуждении работников от средств производства, труда и продукта. Отличие ведомственно-монополистической собственности от частной состоит, на наш взгляд, в наличии в ее актуальной структуре наряду с отношениями отчуждения отношений владения.

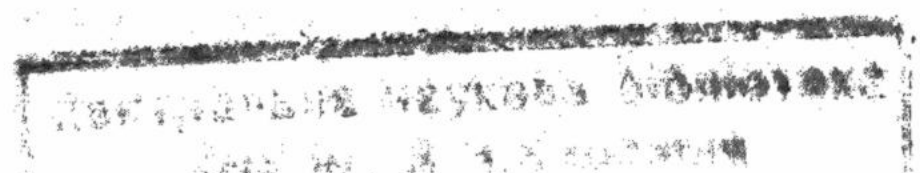
Реально сложившиеся отношения отчуждения и присвоения привели к тому, что формы совместно-разделенного присвоения приобрели превращенный вид: ведомственно-монополистической и теневой частной. Формально были закреплены права “общественной” собственности: общественное владение, распоряжение, пользование, которые не могли реализоваться в условиях, когда в экономике реально существует частное присвоение. Поэтому реализация этих прав приобрела специфический вид, когда субъект, формально не обладая правом частной собственности, получает доходы от “общественной” собственности в силу наличия у него властных полномочий. Форма реализации собственности, таким образом, связана не с человеком как субъектом собственности, а с его должностью во властных структурах. Каждому уровню властной иерархии соответствует свой уровень доступа и возможности частного присвоения “общественной” собственности. Эти возможности заранее определены, заданы и не зависят от самого чиновника.

Таким образом, трансформация собственности предполагает, с одной стороны, изменение всех трех аспектов собственности, а с другой – снятие противоречия между формальной и реальной системами отношений собственности.

Система управления советской экономикой, сложившаяся еще в 30-е годы, превратила страну в нечто подобное гигантской корпорации. Абсолютное большинство прав собственности на ресурсы, факторы производства и результаты деятельности были сконцентрированы в СССР в руках государства. Однако из-за огромных масштабов и обезличенности аппарата государственного управления эти права при формальном наличии их обладателя были фактически не специфицированы. Не ясно было, за каким государственным органом закреплено то или иное частичное правомочие.

“Верховный собственник” физически не мог контролировать “движение” частичных правомочий на большинство объектов по исполнительной вертикали. Даже если бы все бюрократы “социалистической” государственной машины работали безукоризненно и были бы абсолютно добросовестными исполнителями (не было бы коррупции, спекуляции служебным положением и т. д.), все равно “верховному собственнику” поступала бы искаженная информация о распределении ресурсов. Связано это, например, с затратами времени на бесконечные согласования между предприятием и планирующими органами, с отсутствием стимулов повышения производитель-

59872411

ности труда, неэффективностью планирования и т.п. Все это в итоге сделало распределение ресурсов в обществе неэффективным. Издержки функционирования системы институтов смешанной экономики с директивно-плановым основанием (транзакционные издержки) были большими, что и обусловило замедление экономического развития.

Итак, смешанную экономику с директивно-плановым основанием, функционировавшую в СССР на протяжении большей части XX века, можно охарактеризовать как экономическую систему с почти полностью “размытыми” правами собственности на уровне экономических субъектов, иерархической вертикальной структурой управления и, следовательно, большими транзакционными издержками.

Напомним еще раз, что согласно экономической теории прав собственности четкость (определенность), стабильность и предсказуемость прав собственности является важнейшим фактором экономического роста и прямо связывается с экономическим развитием. Осознав важность этого элемента институциональных преобразований в переходной экономике, мы начали осуществлять перераспределение и спецификацию прав собственности – процессы разгосударствления и приватизации.

Важно отметить, что формальная система отношений собственности в смешанной экономике с директивно-плановым основанием по внешним признакам соответствует уровню развитого индустриального общества в классическом типе трансформации, т. е. формализация опередила реальные процессы.

Исходя из вышесказанного, процесс трансформации отношений собственности включает три аспекта. Во-первых, изменение формальных отношений собственности. Во-вторых, легализацию реально существующих отношений частного присвоения, в-третьих, формирование совместно-разделенной собственности, соответствующей современному уровню развития западного общества. Логически можно определить последовательность преобразований: сначала – изменения на формальном уровне и легализация, а затем – формирование нового. Но практически эти преобразования совпадают во времени и пространстве. Например, это подтверждается практикой функционирования акционерных обществ в Украине.

С одной стороны, принятие ряда новых законов, предусматривающих появление новых форм собственности и хозяйствования (Законы Украины “О собственности”, “О хозяйственных обществах” и др.). Основой для образования акционерных обществ стала безвозмездная передача гражданам Украины их доли в “общественной собственности”

С другой стороны, это означает легализацию отношений частного присвоения, которая проявляется в модификации форм собственности: легализация теневой частной собственности, формирование частной и государственной на основе ведомственно-монополистической.

Кроме того, акционерная собственность есть адекватная форма совместно-разделенной собственности. Но реальный процесс становления совместно-разделенной собственности этим не завершается ввиду своеобразия акционерных обществ в Украине.

Следовательно, суть трансформации отношений прав и форм собственности в постсоциалистических странах состоит в своеобразии порядка становления смешанной экономики с рыночным основанием. Такой тип трансформации мы называем инверсионным [2, 4].

Инверсионный тип трансформации отношений собственности заключается в становлении отношений совместно-разделенной собственности на основе преобразования отношений общественного присвоения и легализации отношений частного присвоения.

С точки зрения формальных преобразований следствием развития отношений общественного присвоения является актуализация отношений всепользования. Но в действительности осуществить это возможно только через опосредованные формы – трансформы, ввиду несоответствия формальной и реальной системами отношений собственности. Необходимо снять противоречие между формальной и реальной системой путем легализации отношений частного присвоения и создать новые основы для отношений общественного присвоения. В этом проявляется инверсионность (изменение порядка следования событий).

Инверсионный тип трансформации форм собственности заключается в расширении их многообразия на основе модификации исходных форм, а также возникновения новых.

Инверсионный тип трансформации прав собственности заключается в правовом оформлении реально существующих отношений отчуждения и присвоения, формировании пучка прав собственности, их спецификации и дальнейшем расщеплении.

Литература:

1. Собственность в экономической системе России / Под ред. В.Н. Черковца, В.М. Черковца, В.М. Кулькова. – М.: Экономический факультет, ТЕИС; 1998. – 556 с.
2. Гриценко А.А. Структура рыночной трансформации инверсионного типа. / Экономика Украины, 1997. №1. с.4–10.

Ларина Т.Ф.

ОСОБЕННОСТИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СТРАНАХ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ: ОПЫТ УКРАИНЫ

Одной из специфических функций государства в переходный период является поиск оптимальных путей реформирования хозяйственной системы. Это предполагает исследование всех аспектов, которые могут повлиять на ход процесса рыночной трансформации.

В переходных состояниях общества большое значение имеют социокультурные факторы (привычки, предрассудки, этнические стереотипы). Экономическая наука всегда должна это учитывать, принимая во внимание, что данные характеристики могут иметь решающее значение в формировании конкретных хозяйственных систем. Поэтому любая попытка выбрать для своего развития единую универсальную модель неизбежно ведет к неудаче. Подтверждение нашей позиции находим и у других авторов: “В экономике... действует железный принцип..., который гласит: чем полнее та или иная хозяйственная система вбирает в себя все ценное из собственного исторического прошлого, тем сильнее она коренится в своей национальной культуре, тем выше ее эффективность и разительнее социально-экономические достижения. И наоборот, отрицание национальных традиций и сложившихся хозяйственных структур и общественных отношений, беспощадный разрыв с историческим прошлым неизбежно ослабляют устойчивость экономической системы, лишают ее динамизма, стимулов саморазвития, отбрасывают на обочину истории.” [3, с.672]

В своем выступлении на Всеукраинском совещании экономистов Л.Д. Кучма сказал, что: “мировой опыт красноречиво свидетельствует: ни одна страна, которая достигла успехов в устройстве собственного государства, не сходила на путь копирования чужого опыта, в частности в решении неотложных экономических вопросов. Что касается стран, с которыми связывается так называемое “экономическое чудо” (Япония, Германия), новых индустриальных государств, то каждое из них в своем развитии максимально опиралось не только на собственную экономическую специфику, а и на исторические традиции, генетические корни, национальную идентичность и культуру своих народов”. [2, с.6]

Несмотря на понимание данной закономерности, преобразования украинской экономики продолжают осуществляться с применением монетаристских методов. Одним из требований представителей названного направления является наличие свободного рынка, что предполагает минимизацию вмешательства государства в функционирование хозяйственных систем. В Украине на современном этапе развития такая мера не содержит ни экономических, ни ментальных предпосылок.

Украина на протяжении многих лет не имела собственной государственности, а была составной частью более крупных образований – Российской Империи, где государство издавна было инициативной, активной и регулирующей силой. Это проявлялось в том, что экономические ре-

формы всегда осуществлялись “сверху” (в частности, отмена крепостного права и т.д.), Советского Союза, который демонстрировал опыт исключительно государственного регулирования макроэкономических пропорций.

Данные обстоятельства не могли не оказать влияния на формирование стереотипов хозяйственного поведения. Так, в СССР преобладала модель, которую Е. Ясин определил как модель “человека административного”. [8, с. 11] Для него характерна привычка к жизни в структуре преобладающих связей по вертикали. В роли подчиненного он склонен к формальному послушанию, став же начальником, считает нормой использовать свою власть в собственных интересах. Наблюдается способность адаптироваться к любым, совершенно неприспособленным к жизни формальным условиям за счет личных связей и неформальных отношений. Годы советской власти выработали в людях привычку надеяться на помощь и защиту со стороны тех, кто стоит на верхних ступенях иерархии. Социальный патернализм признавался нормой. Всеобщее распространение приобрели уравнивательные ориентации.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что Украина унаследовала такие характерные черты, как огромная роль государственного начала, неразвитость частной собственности, отсутствие гражданского общества, господствующее значение вертикальных связей. Названные особенности накладывают отпечаток на содержание переходных процессов, а также подчеркивают нецелесообразность использования в Украине моделей, разработанных на базе опыта западной экономики, без учета отмеченной специфики.

Существуют также и экономические причины несостоятельности политики безоговорочного следования рекомендациям международных организаций. Во-первых, они разрабатывались для слаборазвитых стран. Украина же представляет собой сложившееся индустриальное общество. Во-вторых, данные рекомендации предполагают наличие традиций рыночных отношений. В Украине же идет процесс их формирования.

Проводимая в стране с 1991 года реформа, направленная на переход от административно-командной экономики к рыночной, сопровождалась неоправданным ослаблением вмешательства государства в хозяйственную жизнь. Тем временем в мире нет примеров, когда бы управление наиболее важными макроэкономическими процессами в переходные периоды осуществлялось без действенной государственной власти. Это объясняется тем, что самоорганизация, классический пример которой представляет рынок, свойственна достаточно устойчивым образованиям.

Таким образом, наиболее остро потребность в государственном регулировании ощущается именно в переходные периоды. Следовательно, в условиях стабильного функционирования хозяйственной системы роль регулятора в основном выполняет сам рынок. На этапе же перехода к новому состоянию экономики значительно возрастает роль государства в регулировании макроэкономических процессов (пока рыночное хозяйство находится в процессе становления).

В связи с этим правомерно сделать вывод о том, что исторические традиции в сочетании с несформированностью рыночных отношений определяют значительное место государства в украинской переходной экономике. Чисто механическое “уменьшение” его роли зачастую приводит к утрате тех функций, которые абсолютно необходимы. Однако следует отметить, что расширение масштабов государственного вмешательства без существенного реформирования этого института не в состоянии решить накопившиеся проблемы (а в некоторых случаях способно усугубить ситуацию). Мы поддерживаем точку зрения В.М. Соболева, который формулирует следующие задачи реформирования государства [4, с. 50]:

- повышение степени доверия населения к государству;
- уменьшение уровня коррупции;
- сокращение роли теневой экономики;
- обеспечение прозрачности в деятельности государственных институтов на всех уровнях и во всех ветвях власти;
- достижение стабильности законодательства;
- создание благоприятного инвестиционного климата.

Существенную роль в принятии решений на государственном уровне играет бюрократия. Ее представители часто склонны удовлетворять собственные интересы в ущерб общенациональным. Поэтому важным условием эффективного выполнения государством своих функций является приобретение украинской бюрократией созидательного потенциала.

К числу же проблем, решение которых актуализируется в период рыночной трансформации, относится регулирование внешних эффектов. Они связаны с наличием региональных и структурных диспропорций, высоким уровнем монополизации, загрязнением окружающей среды.

Следует отметить, что после развала СССР Украине по наследству досталась крайне нерациональная структура производства. Ее характерные черты:

- доминирование добывающих и базовых областей с низким уровнем переработки сырья;
- недостаточная ориентация на выпуск продукции конечного потребления;
- высокая материалоемкость и энергоемкость производства;
- устаревшие технологии в большинстве сфер народного хозяйства;
- технологический разрыв в уровнях развития гражданских и оборонных отраслей.

Наличие таких особенностей стало следствием радикальных преобразований в структуре экономики, которые проходили в форме индустриализации 20–30 годов. Переход же к рыночной системе хозяйствования может значительно ускориться за счет ориентации производства на преобладающее развитие сферы, производящей конечный продукт. Тем не менее, анализ состояния экономики Украины показывает, что за годы реформы не произошло положительных сдвигов в этом направлении. Доля так называемых “базовых” отраслей промышленности (электроэнергетики, топливной, черной металлургии, химической и нефтехимической) повысилась с 19,9% в 1990 году до 48,8% в 1997 г., то есть больше, чем в два раза, в то же время удельный вес машиностроения, легкой и пищевой промышленности снизился с 76,1% до 46,1%. [6, с.32–35]

Как свидетельствует мировой опыт, рыночный механизм сам по себе не обеспечивает изменений в хозяйственной структуре. Только целенаправленные преобразования государством общественных пропорций дают возможность достичь высоких темпов экономического роста. Это позволяет говорить о бесперспективности нерегулируемой структурной перестройки украинской промышленности. Следует учитывать, что частный предприниматель решает иные задачи, а именно – ищет оптимальные варианты получения дохода. Поэтому государство должно взять на себя функцию преобразования структуры экономики путем целенаправленного влияния на процессы перелива капитала в перспективные области; создания благоприятного инвестиционного климата; разработки и реализации программы подготовки и переподготовки рабочей силы.

В настоящее же время структурная политика в значительной мере выпала из поля зрения органов государственного управления. Отсутствие системности и плановости в регулировании структурообразующих процессов ведет к формированию в Украине экономики полукOLONиального типа.

Эффективность специальных мероприятий структурной перестройки главным образом зависит от правильности избранных приоритетов. Следует отметить, что при их определении важно учитывать тот факт, что Украина в отличие от развитых стран находится на индустриальной стадии развития. Поэтому стратегической целью преобразования структуры экономики является переход к постиндустриальному типу общества. Здесь системообразующую функцию выполняет научно-технический прогресс. Страна, которая не принимает участия в “инновационных соревнованиях”, остается экономическим аутсайдером. Отечественная экономика может оказаться в такой ситуации, если государство не будет регулировать процесс структурных преобразований.

Следует отметить, что сформировавшаяся в Украине структура экономики является не только экономически неэффективной, но и крайне экологически опасной. В этом смысле негативную роль сыграла политика наращивания масштабов производства экстенсивными методами, что стало причиной чрезмерной эксплуатации природных ресурсов.

Проблемы загрязнения окружающей среды приобрели особую актуальность в период трансформации экономической системы. По сравнению с наиболее развитыми странами Запада сум-

марные техногенные нагрузки на единицу площади в Украине в 5–6 раз выше [1, с.5], несмотря на существенное сокращение объемов производства.

Анализ ситуации в постсоциалистических странах позволяет сделать вывод о наличии органической связи между процессами, происходящими в экономике, и экологией: экологический дисбаланс выступает как закономерность и существенный атрибут системного кризиса, наблюдающегося в этих государствах. Он сопровождается ухудшением благосостояния народа, а также снижением финансовых возможностей предприятий и государства. Данные обстоятельства негативно сказываются на состоянии окружающей среды.

В настоящее время решение проблем экологии для нашей страны есть реальная необходимость. Игнорирование указанного факта может привести к полному развалу экономики, прямому уничтожению материальных ценностей, ухудшению состояния здоровья населения, моральной и физической деградации общества.

В связи с этим стратегическая цель усматривается в разработке концепции перехода на модель устойчивого и экологически безопасного развития, основным элементом которой является механизм постепенного перехода от практики запретов и штрафов за нанесенный вред к экологизации технологии производства (к предупреждению потерь).

Нерациональное и неполное использование экономического потенциала Украины (и других постсоциалистических стран) обусловлено также недостаточным вниманием к региональным диспропорциям. Их истоки коренятся в проводимой в СССР многие десятилетия политике развития макротерриториальных структур, ориентированной на использование преимуществ разделения труда в рамках глобальной экономики страны.

Это привело, с одной стороны, к повышению концентрации производительных сил в высокоиндустриальных районах (Донецкая, Днепропетровская, Запорожская, Луганская, Харьковская, Киевская области), что сопровождается нехваткой жилья, перегрузкой транспортных сетей и обострением экологической ситуации. С другой – к несоответствию между потенциалом и масштабами хозяйственной деятельности в ряде регионов: Подольском, Полесском, Южном.

Украина провозгласила свою независимость при трехкратной разнице между областями в уровнях экономического и социального развития. Переход к рыночной экономике, проходящий в условиях глубокого кризиса, привел к углублению этого разрыва. Если в 1991 году дифференциация между максимальным и минимальным значением показателя выпуска промышленной продукции на душу населения в регионах составила 2,2 раза, то в 1999 – уже 12. [5, с.10] Ныне разница в доходах между отдельными областями составляет 30–45% (по международному же стандарту расхождения не должны превышать 20%). Такая ситуация чревата усилением общей социальной напряженности в обществе. Поэтому важной задачей становится устранение пространственных неравенств, которые мешают социально-экономическому развитию страны в целом и ее отдельных регионов. При этом важно соблюсти сочетание двух основных принципов:

- справедливость, что предполагает создание равных возможностей для жителей всех территорий;
- эффективность, которая требует рационального использования производственного потенциала каждого региона в целях повышения общенационального благосостояния.

Особенностью постсоциалистических стран также является чрезвычайно высокая степень монополизации, унаследованная от административно-командной системы. Удельный вес монополий в них, как правило, выше, чем в государствах с исторически сложившимся рыночным хозяйством. Это обусловлено прежде всего различными предпосылками формирования монополистических структур.

Для рыночной экономики характерна ситуация, когда появление предприятий-монополистов становится естественным результатом прогресса производительных сил, приводящего к росту концентрации и специализации производства и капитала. В административно-командной системе возникновение и расширение монополистических тенденций было вызвано потребностями управления из единого экономического центра. Государственные министерства и ведомства стремились ограничить количество управленческих связей для повышения эффективности своей деятель-

ности. В результате сформировался “монополизм особого рода”. [7, с.21] Он отличается от традиционного именно тем, что сознательно создавался административными органами в эпоху социализма. Государственное регулирование деятельности монополий в период рыночной трансформации должно осуществляться с учетом данной особенности.

В развитых странах антимонопольные законы регулируют процессы создания и деятельности монопольных объединений. Специфика же развития народного хозяйства Украины (как и других постсоциалистических государств) обуславливает необходимость уделения особого внимания проблеме лишения предприятий монопольных преимуществ. Этому в значительной мере должна способствовать политика последовательной либерализации рынка. Развитие конкурентных начал предполагает разукрупнение производства и появление в высокомонополизированных отраслях независимых хозяйствующих субъектов.

В то же время взаимосвязь между деконцентрацией и уровнем монополизма неоднозначна. Многие предприятия сформировались как крупные замкнутые технологические комплексы. Выделение из их состава отдельных звеньев способно еще больше увеличить количество монополистов. В результате разукрупнение обосновано только в тех случаях, когда в рамках гигантских объединений сосуществуют технологически не связанные и территориально обособленные производители однородной продукции.

Резюмируя вышесказанное, нужно отметить, что одной из особенностей переходного периода является актуализация отдельных традиционных функций государства: особое значение получает регулирование внешних эффектов, которые оказывают существенное влияние на ход процессов рыночной трансформации.

Литература:

1. Верменко А.Ю. Перспективи реалізації екоцентристської стратегії розвитку України. – К.: ТОВ “Міжнар. Фін. Агенція”, 1998. – 25 с.
2. Економіка України та шляхи її подальшого реформування. Матеріали Всеукраїнської наради економістів, 14–15 вересня 1995 р. – К.: “Генеза”, 1996. – 323 с.
3. Ефанов Л.Е. О новой парадигме экономической науки и национальном пути хозяйственного развития России // Экономическая теория на пороге XXI века-2 / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. – М.: Юристъ, 1998. – 768 с.
4. Соболев В.М. Государство в переходной инфраструктуре // Бизнес-информ, №7–8, 1999.
5. Україна: поступ у ХХІ століття. Стратегія економічної та соціальної політики на 2000–2004 рр. / Урядовий кур’єр за 28 січня 2000 р., №10.
6. Україна у цифрах у 1997 році: Короткий стат. довідник / Держ. комітет статистики України: Відп. за випуск О.Г. Осауленко. – К.: Наукова думка, 1998. – 294 с.
7. Юданов А.Ю. Конкуренция: теория и практика. Учебно-практическое пособие. 2-е изд. испр. и доп. – М.: Ассоциация авторов и издателей “Тандем”, изд-во “ГНОМ-ПРЕСС”, 1998. – 384 с.
8. Ясин Е. Проблемы перехода к регулируемой рыночной экономике // Вопросы экономики, №7, 1990.

Горилей С.В.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В условиях зрелого рыночного хозяйства система денежно-кредитного регулирования (далее – ДКР) выступает как обезличенная, формально безадресная, рассчитанная на всех участников экономической системы. Такой ее абстрактный характер делает ДКР универсальным и неспецифическим методом управления макроэкономическими процессами. Отсюда и соблазн органов государственного управления использовать в условиях переходной экономики Украины достаточно апробированные в зрелых рыночных системах механизмы ДКР. Некоторые направления финансовой и денежно-кредитной политики Украинского государства в отдельные

периоды представляет буквальные копии соответствующих мероприятий в промышленно развитых странах. Например, это неоднократно высказываемое стремление иметь минимальную инфляцию, бездефицитный бюджет, или даже обеспечить его профицит; так называемая “ликвидация всех льгот” и др.

Однако, на наш взгляд, упомянутые выше абстрактность и безадресность принятой в промышленно развитых странах системы ДКР – мнимые. На самом деле денежно-кредитные рычаги и стимулы всегда выражают определенную специфику институционального устройства той хозяйственной системы, в которой они формируются, действуют и развиваются. Для обоснования гипотезы об изначальной институциональной определенности ДКР рассмотрим постановку проблемы конкретного содержания макроэкономических факторов в наиболее отработанной и в практическом и в теоретическом отношении модели Дж. М. Кейнса. В своей теории Дж. М. Кейнс исходил из того, что в данном обществе, в данную историческую эпоху люди поступают как правило именно таким образом, как это предписывается его макроэкономической моделью. “Мы будем полагать заранее заданным (...) основной “фон” субъективных стимулов к сбережению и соответственно к потреблению”. [4, с.32]

Заметим, что для Дж. М. Кейнса в данном контексте субъективные факторы – это “те общественные привычки и институты, которые, хотя и не являются неизменными, все же едва ли подвержены существенным переменам в течение коротких промежутков”. [4, с.32] В иных институциональных условиях, замечает Кейнс, макроэкономические зависимости могут носить другой характер. По его мнению, денежная масса и др. элементы финансовой среды не имеют смысла в системе регулирования, если через их посредство механизм не воздействует на субъекты хозяйствования. Таким образом, уже простая форма макроэкономической модели Дж. М. Кейнса исходит из конкретной, исторически определенной институциональной среды. Если среда иная, фактически утверждает он, то и функции будут иными.

Естественно встает вопрос: как быть с функциями ДКР, если рыночная институциональная среда еще только формируется? В экономической науке проблема функциональных связей в условиях подвижной, разрушающейся или формирующейся институциональной базы экономики сама по себе еще не ставилась и не решалась, хотя именно она является наиболее актуальной для переходных систем. Поэтому есть прямой резон рассмотреть эту проблему предметно.

Для ее решения принципиально важными являются следующие институционально определенные макроэкономические факторы – сбережение, потребление, инвестирование. В различных теоретических школах можно найти немало примеров “институциональной привязки” этих факторов. В концепции “праздного класса” Т. Веблена [см. 2, с.180] потребление бывает демонстративным, благочестивым и др., то есть соответствующим статусу представителя этого класса. Склонность к аскетизму и сбережению в социологической теории М. Вебера [см. 1, с.80–88] выражает так называемую протестантскую этику. Инвестиции у И. Бентама в условиях перехода осуществляются за счет справедливости и гармонии: “... добавочные инвестиции, предпринимаемые в связи с переходом к новому состоянию, предполагают вынужденную бережливость “за счет национального комфорта и национальной справедливости”. [приведено у Дж. М. Кейнса: 4, с.11]

Таким образом, для субъекта хозяйства сберегать, потреблять, инвестировать – это значит следовать своему определенному социально-институциональному статусу, реализовывать и упрочивать его. Сама система статусов, то есть субординированная иерархическая система уровней экономической власти (полномочий, ресурсов, ответственности, свободы выбора) является предпосылкой стабильных макроэкономических реакций в ответ на воздействия со стороны ДКР. Трудность заключается в том, что в переходной системе статусное измерение на время как бы исчезает, возникает своеобразное бесстатусное состояние. Тем самым неизбежно нарушается мера потребления, сбережения и инвестирования.

Такая дисфункциональность переходной системы проявляется в том, что вместе с потерей статуса исчезает объект государственного денежно-кредитного регулирования, его стереотипные реакции на внешние финансовые раздражители. В системе ДКР свойства денежной среды

находятся в определенном взаимном соответствии с: а) задачами регулирования; б) субъектами хозяйства, на которые направлено это воздействие. Последние должны быть восприимчивы к воздействию. Денежная среда как передающая управляющие импульсы должна быть в достаточной степени упругой. В противном случае эти импульсы гаснут или искажаются. Упругость денежной среды выступает аналогией такого явления как твердые деньги. Инфляция делает среду аморфной и разреженной, поэтому сигналы передаются очень медленно, с серьезным запаздыванием. В то же время информационная насыщенность денежно-кредитных регуляторов не должна быть чрезмерной. От них нельзя требовать большего переноса информации, чем это допускается их внутренней природой.

Денежно-кредитное регулирование в качестве важной (а в Украине, может быть, и решающей) предпосылки имеет институт кредита. Регулированию поддается только кредитруемая и кредитующая экономика. Кредитование рассматривается как всеобщая форма хозяйственной связи, обеспечивающая эффективное распределение и использование экономических ресурсов. Кредитная инфраструктура рынка ресурсов (кредитное и банковское законодательство, банковская система, правила, обычаи и нормы коммерческого кредитования, вексельная система) является одновременно предпосылкой, объектом и каналом передачи импульсов ДКР. Таким образом, кроме институциональных форм хозяйственного поведения субъектов, важную роль в ДКР играют и организационно оформленные элементы институциональной системы – правила, нормы и учреждения, их обеспечивающие.

Такое понимание денежно-кредитных рычагов позволяет установить две группы целей ДКР:

- связанные с собственно рыночными функциями (распределение и использование экономических ресурсов как равновесие системы);
- выходящие за пределы рыночного механизма (как компенсация и дополнение “провалов рынка”).

В зрелой рыночной экономике по своей природе ДКР, безусловно, ближе к рыночному ядру хозяйственной системы. Однако, как только эта система попадает в зону нестабильности, рыночный базис ДКР как бы размывается (если он уже существует), и на первый план выдвигаются те цели и задачи, которые выходят за пределы рыночно-равновесных критериев. Если же рыночный базис ДКР находится в стадии своего формирования, то в этом случае возникают принципиально новые задачи, которые не свойственны традиционным моделям ДКР. Одна из причин недостаточной эффективности использования рычагов ДКР в экономике Украины заключается, на наш взгляд, в отсутствии дифференцированного и конкретного подхода к этим рычагам. А.А. Гриценко в этой связи обосновано отмечает: “Приведение денежно-кредитной политики в соответствие с конкретными экономическими условиями Украины является необходимой предпосылкой обеспечения ее эффективности”. [3, с.69]

Можно предположить, что некоторые функции ДКР в переходной экономике будут схожими с функциями, компенсирующими “провалы рынка” в странах с развитой рыночной экономикой (решение социальных, структурных, инновационных задач). В то же время есть и принципиальные отличия, присущие ДКР в трансформируемой экономике.

В современной Украине исходный субъект ДКР – государство, переживающее этап глубокой трансформации, только ищущее свое место в формирующейся новой системе, и еще отнюдь не выработавшее все необходимые функции и звенья, требуемые новыми условиями и новой средой.

Роль денежного интереса в жизнедеятельности субъектов хозяйствования так же является не до конца определенной, а потому и незрелой. “Дергая” за ниточку денежного интереса, невозможно получить весь спектр необходимых экономических реакций. Следовательно, система ДКР у нас обречена действовать в мозаичной среде, включающей в себя принципиально разные мотивы и стимулы хозяйственного поведения.

Как было показано выше, сами субъекты переходной хозяйственной системы еще не самоопределились, то есть не имеют четких представлений о своем месте, целях, приоритетах, поэтому наблюдается размытость и неопределенность критериев рационального выбора, в расчете на который и формируется система рычагов ДКР.

Следовательно, не случайно, что эффективность функционирования системы ДКР в украинской экономике является чрезвычайно низкой. В известном смысле слова этой системы еще нет. То, что сегодня называют ДКР, на самом деле представляет лишь набор случайно собранных вместе механизмов, институтов, органов, которым вменяется в обязанность производить действия, схожие по форме с функциями денежно-кредитного регулирования в странах зрелой рыночной системы. В условиях постсоциалистического перехода процесс формирования системы ДКР находится под прямым влиянием инверсионного характера становления рыночной экономики. В классической ("нормальной") модели это формирование происходит по схеме критерии – функции – институты.

Необходимыми предпосылками формирования системы ДКР по классической схеме выступают рыночное хозяйство, правовое государство и интегрирующий их социально-институциональный комплекс. Непосредственные импульсы исходят от корпоративных и других консолидированных групп интересов (государственный аппарат, работодатели, профсоюзы, профессиональные корпорации и др.). В 30-е годы в промышленно развитых странах на первом этапе имело место концептуальное осознание проблем и потребностей в ДКР, что позволило сформировать систему целей и задач. Эти задачи поначалу выполнялись на основе уже имеющегося государственного финансово-кредитного механизма как определенные функции. Затем, в процессе исполнения этих функций, наиболее пригодные и эффективные способы, методы и звенья регулятивного механизма обособились в самостоятельный институциональный комплекс ДКР. Такой порядок формирования системы ДКР позволяет ей уже с самого начала выполнять некоторую полезную работу, хотя на проектную эффективность система выходит лишь после завершения последнего этапа.

В то же время регулятивные импульсы превращаются в существенный фактор эволюции предпосылок ДКР. Тем самым возникает система с многократно дублированной обратной связью. Как известно, такие системы обладают выраженной цикличностью своего функционирования и развития. В концептуальных основах ДКР эта цикличность проявляется как периодические колебания от либерализма к этатизму; в государственной политике – как периодический передел власти между консерваторами и реформистами; в социально-институциональной системе – как периодические волны социальной консолидации и социальной атомизации.

Ситуация несколько усложняется тем обстоятельством, что эти три волны колебаний могут существенно не совпадать друг с другом по времени и амплитуде. Поэтому иногда система ДКР реагирует неожиданно сильно, иногда – наоборот. Все это означает, что в функционировании и развитии данной системы всегда присутствует стохастический момент, подчиняющийся не прямым административным или финансовым интересам и действиям, а законам теории вероятности. В общем виде в качестве функции состояния ДКР может быть предложен показатель α , характеризующий уровень монетаризации ВВП:

$$\alpha = M2/GNP, \quad (1)$$

где $M2$ – показатель количества денег,

GNP – валовой национальный продукт.

С учетом вероятностного характера состояния ДКР и принимая во внимание гипотезу о цикличности, можно предположить, что функция α имеет следующий общий вид:

$$\alpha = \varphi(t) + f(t)$$

где φ – вероятностная составляющая,

f – гармоническая составляющая.

Данная функция, несмотря на свой предельно общий вид, может послужить основанием для разработки программы дальнейшего исследования ДКР. Анализ функционирования и развития ДКР может вестись как отдельно по этим двум компонентам системы, так и совмещенно.

В условиях постсоциалистического перехода стохастическая составляющая явно играет более важную роль, чем гармоническая. Это связано и с общим характером перехода как точки бифуркации, и с рядом более конкретных специфических черт вызревания ДКР в нестабильной денежно-кредитной системе. Описанный выше нормальный порядок формирования ломается. На первых порах имеет место копирование институциональной системы ДКР западного образца как разветвленной сети государственных органов, призванных исполнять функции денежно-кредитного регулирования. Потом им подыскивают работу, пытаются сочинить функции, для которых еще фактически не сложились объективные условия. Например, Государственная Комиссия по ценным бумагам и фондовому рынку Украины контролирует не только все открытые акционерные общества, включая и самые мелкие, которые фактически не привлекают ресурсы открытого рынка, но и закрытые акционерные общества, которые не делают этого по определению. Одно время вообще шла речь о включении в число хозяйственных обществ, подконтрольных юрисдикции Государственной Комиссии, и некоторых обществ с ограниченной ответственностью.

Затем в процессе практического исполнения этих придуманных функций приходит осознание вопроса: зачем все это? Для ответа на него приходится вырабатывать собственные цели, задачи и критерии, привязанные к реальным потребностям реформируемой хозяйственной системы. Только на этом этапе система ДКР способна начать функционировать действительно результативно. Сегодня же, как отмечает В.М. Соболев, «эта модель ориентирована на надзорно-контролирующе-карающее поведение государства, что является вполне естественным продолжением административно-командной системы». [5, с. 176] Наблюдается формально управляемое, но стихийное по сути конкурентное распределение и перераспределение полномочий государственного регулирования между различными кланово-корпоративными бюрократическими группами, в котором победа часто остается не за компетентностью, профессионализмом и здравым смыслом, а за административной мощью и доступом к системе бюрократических преференций.

Вывод: лишь вновь пройдя по всей цепочке «критерии-функции-институты», но уже в «правильном» направлении, наше государство сможет сформировать более или менее эффективный механизм денежно-кредитного регулирования экономики. Позитивная программа его развития начинается с концептуального осознания конкретно-исторических целей и задач реформируемой экономики. Необходимо зафиксировать и осмыслить реальные проблемы и пустоты нашего хозяйственного механизма, придать им форму потребностей, перевести их на язык целей и задач. Тем самым будут сформированы критерии той деятельности, которую принято называть денежно-кредитным регулированием. Так мы сможем отойти от бессодержательного подражания и перейти к выполнению действительно жизненно важных для нашей хозяйственной системы денежно-кредитных функций. Организационное оформление этих функций будет происходить в том числе и путем отбора наиболее приспособленных элементов и органов государственного организма.

Литература:

1. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс. – 1990. – 804 с.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс. – 1984. – 367 с.
3. Гриценко А.А. Проблемы эффективности денежно-кредитной политики // Вестник Харьковского государственного университета. №398. Проблемы экономической теории и практики в условиях рыночной трансформации. Харьков: ХГУ. – 1997. – 195 с.
4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Прогресс. – 1978. – 494 с.
5. Соболев В.М. Формирование рыночной инфраструктуры в переходной экономике индустриального типа: общие черты и особенности в Украине. – Харьков: Бизнес-информ. – 1999. – 304 с.

Поколюдний В.В.

ДЕРЖАВА І БІЗНЕС: ІНВЕСТИЦІЙНЕ ВОЗ'ЄДНАННЯ ЯК МЕХАНІЗМ ЕКОНОМІЧНОЇ МОДЕРНІЗАЦІЇ СУСПІЛЬСТВА

Економіка та, насамперед, її реальний сектор може нормально функціонувати, якщо відбувається відтворення капіталу в усіх його формах. Таким чином, інвестиційна діяльність є основним процесом функціонування економіки, без чіткої організації якої остання кинута напризволяще й здатна тільки до саморуйнації завдяки "проїданню" інвестиційних можливостей.

Активність інвестиційного процесу визначає життєздатність економіки. Чим ефективніші інвестиційні процеси в країні, тим краще розвиваються виробнича, наукова, соціальна та інші сфери життя суспільства.

Очевидним і зрозумілим є те, що вирішення проблеми активізації інвестиційного процесу – головна запорука здійснення ринкових реформ і досягнення пов'язаних з ними успіхів у розвитку економіки та підвищення життєвого рівня. Але без успішних ринкових трансформацій приплив інвестицій та їх ефективне використання стають неможливими.

Інвестиції, таким чином, є передумовою і, водночас, наслідком успішного проведення економічних реформ.

У багатьох країнах світу збільшенню обсягів і вигідній структуризації іноземних інвестицій, як правило, передувало якісне підвищення вітчизняних.

Таким чином, взаємодія інвестицій та трансформаційних ринкових перетворень перебуває в динамічній взаємозалежності. Тому однією з головних причин пробуксовування економічних реформ в Україні, на наш погляд, є брак пріоритету формування інвестиційного потенціалу, спрямованого на вирішення довгострокових стратегічних завдань, пов'язаних із підвищенням конкурентоспроможності країни.

Але формування інвестиційного потенціалу ще недостатнє для ефективного вирішення цих завдань, бо це тільки кількісні умови інвестування. Тому ще одним з головних стратегічних пріоритетів має стати розвиток якісних умов інвестування – здійснення прориву в базових інноваціях, які формують структуру постіндустріального технологічного способу виробництва. Виходячи з цього, центральний напрямок виробничого підприємництва – інноваційний – є стратегічним ресурсом економічного розвитку.

Впровадження цього ресурсу певною мірою можливе через венчурне інвестування. Тобто розраховувати на успіх можна тільки при збалансованому та цілеспрямованому розвитку кількісних та якісних умов інвестування.

Венчурне інвестування – це довготермінове вкладення капіталів у наукомісткі, високотехнологічні виробництва, інформацію та ноу-хау, які водночас є високоризикованими і потребують підтримки з боку держави.

За допомогою венчурного капіталу у вільних економічних зонах, де на пільгових умовах інвестиції спрямовуються в новітні високі технології (тобто інновації), можуть утворюватися мегаполіси, технополіси, технопарки та інноваційні центри. Це зумовлює поглиблення взаємної внутрішньопромислової та науково-технічної кооперації підприємств, розташованих у цих зонах, та надає умови для розвитку суміжних галузей.

Отже ми визначилися, що економіку країни треба негайно реформувати, а також з чого треба починати це робити. Але хто і як має зрушити з місця ці процеси?

Якщо недержавні установи в Україні розглянути як потенційних суб'єктів венчурного інвестування, які, традиційно є дуже впливовими інвесторами в світогосподарській практиці, то результати такого дослідження будуть невтішними. Справа в тому, що деякі з них (населення, яке має низький рівень заощаджень, та фондовий ринок, що тільки-но формується) недостатньо розвинені, інші (інвестиційні фонди та компанії, страхові та лізингові компанії, трасти, кредитні спілки та ін.) перебувають на межі банкрутства або працюють з дуже низькою нормою рента-

бельності, а інтереси решти (підприємницьких структур, банків та іноземних інвесторів) у більшості випадків є поточними (спрямованими на швидке збагачення) і далеко не завжди збігаються з державними – стратегічними, націленими на перспективний розвиток.

Таким чином, стає зрозумілим, що сьогодні в Україні тільки держава має певні шанси стати тим “локомотивом”, який через пряму особисту участь може надати прискорення процесові залучення інших суб’єктів господарювання до справи інвестування капіталомістких “проривних” галузей економіки, що відповідають вимогам модернізації суспільства.

Дехто з неолібералів намагається переконати нас у тому, що держава – це перешкода на шляху до ринкового успіху. Але світовий досвід свідчить про інше, що досить переконливо доводить вітчизняний фахівець Б.В. Губський. Він пише: “Саме небувале в історії Заходу посилення могутності держави дало змогу, починаючи з середини 30-х років, успішно виходити з економічних криз, забезпечувати розвиток науки та освіти як факторів економічного зростання, перебороти в минулому смертельне для капіталу соціальне протистояння класово полярних сил суспільства. Саме незвичайні за дієдатністю державні утворення, а не тільки ринкові сили, що перебували у стані формування, спричинили ефект “економічного чуда” в країнах Далекого Сходу та Азіатсько-Тихоокеанському регіону. В тих же США, попри всю значущість економічної свободи для успіхів цієї країни, вихід з найскладніших кризових ситуацій завжди забезпечувався могутнім сплеском державності. Це було і при Ф. Рузвельті, і при Дж. Кеннеді, і при Р. Рейгані. Причому реальні дії останнього відверто заперечували його ліберальну риторику”. [4, с.253]

Також фактор дієдатності й сили держави зумовлює рівень експансіоністської діяльності на міжнародній арені, тобто рівень її конкурентоспроможності. Могутність держави, як свідчить приклад Японії та Південної Кореї, формується шляхом цілеспрямованого розвитку внутрішнього конкурентного середовища, при державній підтримці зорієнтованих на експорт структур, які переважають своїми конкурентними параметрами західні, та розбудові мегаполісів, що дають ефект синергії. Зрозуміло, що все це неможливо без організуючих зусиль з боку держави. Завдяки такій диверсифікованій політиці держави, її підприємства вже на старті мають підвищений заряд конкурентної переваги та унікальні можливості. “Японське диво”, яке народилося саме завдяки цьому, ще називають “дивом воз’єднання бізнесу і держави”.

Тільки країна з сильною державною владою може ставити національні інтереси вище всілякого тиску з боку світового співавторства, яке за допомогою великої кількості інструментів (більшою мірою боргових) регулює світогосподарські економічні відносини, а то й відносини в середині тієї чи іншої країни, на користь розвинутих країн. Вона знаходить сили захистити та підтримати розвиток вітчизняних виробників та зосередити їх зусилля на найважливіших напрямках розвитку суспільства.

Для цього треба сконцентрувати досить обмежені ресурси та спрямувати їх на стратегічні напрямки розвитку країни, розробити чітку й ефективну програму дій зі створенням нових інструментів і механізмів інвестування та необхідного для їх функціонування правового забезпечення і залучити до виконання цієї програми широке коло науковців, професіоналів та спеціалістів у цій сфері.

Нині в Україні в інвестиційній діяльності держава бере участь двома способами: опосередковано та безпосередньо.

Використовується напрацьований у світовій практиці досить великий арсенал засобів і прийомів заохочення “довгих грошей” та переливу капіталу до необхідної ділянки економіки. Всі ці механізми поділяються на дві групи: мотиваційні – які роблять вигіднішим для суб’єктів економічної сфери вкладання капіталу в довгострокові (інвестиційні) проекти, ніж у короткострокові (спекулятивні); та організаційні – що забезпечують умови для поєднання банківського та промислового капіталу й створення на цій основі фінансово-промислових груп.

Це побічні механізми непрямой дії, і конкретний позитивний результат від їх впровадження також залежить від багатьох інших чинників, які виходять за межі впливу державної влади і можуть досить суттєво стримувати модернізаційні процеси (наприклад, розбіжності в інтересах), хоча повністю відмовлятися від їх застосування теж не є ефективним.

Прямо держава інвестує тільки ті галузі та виробництва, продукція яких має загальнонаціональний характер і які найближчим часом не підлягають приватизації (оборонна галузь, окремі об'єкти загальнодержавної інфраструктури), практично зовсім при цьому не торкаючись інших (виробничих, інноваційних, інформаційних, наукових, технологічних і т.ін.) проектів.

Така ситуація створює перекіс і висвітлює однобічність розвитку прямого державного інвестування, хоча і є цілком логічною. Керуючи централізовано, зверху неможливо врахувати всі чинники, фактори й потреби, що зумовлюють необхідність інвестування тих чи інших важливих на місцевому рівні інвестиційних проектів комерційного спрямування, доцільність впровадження яких обґрунтовується необхідністю прискореного розвитку економіки, а також залучити до їх фінансування разом з державним приватний та іноземний капітал.

У цій сфері ми спостерігаємо економічну інтервенцію інших розвинутих країн світу, засилля дешевого імпорту і згортання за рахунок цього вітчизняних виробничих потужностей.

Отже, можна зробити висновок, що ця сфера інвестиційної діяльності залишилась без належного прямого державного втручання і розвивається дуже повільно, або не розвивається зовсім, або взагалі розвивається у протилежному напрямку – спаду та стагнації виробництва, що є гальмом на шляху ефективного реформування економіки.

Тому, на нашу думку, цілком природним буде передати важелі прямого державного інвестування цієї сфери на місцевий рівень (орієнтовно – обласний). Тобто її розвиток має регулюватися децентралізовано, знизу, що є цілком у дусі часу та не йде в розріз із положеннями державної програми стратегічного розвитку країни, озвученими Є. Марчуком: “Основна мета – підтримувати і спрямовувати розвиток таких елементів суспільства, що забезпечать побудову української соціально-економічної моделі за вимогами майбутнього, задля досягнення такого рівня розвитку продуктивних сил інформаційно-інтелектуального характеру, який створить можливість переходу до економічного суперефективного та соціалізованого суспільства нової ери людства”. [1] Одним із таких елементів, що впливають на формування постсучасного суспільства, є процес децентралізації, який включає поступове подолання централізації з притаманною їй концентрацією влади в єдиному центрі. Тим більше що передача частини завдань глобального характеру на місцевий рівень допоможе оптимізувати роботу центральних органів влади.

На нашу думку, одним із механізмів, які мають бути залученими до виконання цих завдань, можна розглядати створення регіональних (обласних) інвестиційних комплексів. Умовно назвемо їх обласними державними венчурно-інвестиційними корпораціями (ОДВІК).

До пріоритетних напрямків дії цих комплексів доцільним буде віднести такі:

1. Залучення широкого кола домогосподарств і суб'єктів підприємницької діяльності до транстингу (способу вторинного отримання доходів шляхом вкладання у цінні папери тимчасово вільної частини прибутку, одержаного від традиційних видів діяльності) як одного з найефективніших способів нагромадження. Транстинг є альтернативою реінвестуванню за умов достатньо високого рівня ліквідності та доходності цінних паперів, які пропонуються. Це засіб дає змогу підвищити кількісні показники інвестиційного потенціалу та цілеспрямовано сконцентрувати його на стратегічних напрямках розвитку.

2. Концентрування в межах однієї структури всіх, або майже всіх ланок інвестиційного циклу (від залучення ідей до їх матеріалізації у вигляді кінцевого продукту), що полегшить керування ним, скоротить термін впровадження та витрати на нього. Завдяки цьому можна досягти значного підвищення якісних умов інвестування.

3. Впровадження в життя найновітніших розробок, значні пакети яких напрацьовано в кожній галузі виробництва. Є. Марчук пише: “За експертними оцінками, цей ресурс оцінюється у мільярди доларів”. [1]

Ці спеціалізовані комплекси повинні мати особливий, законодавчо затверджений статус за рахунок своєї специфічності, тобто поєднання державної власності, з одного боку, та ринкових методів господарювання – з іншого.

Більш детально структура та види діяльності цієї, на нашу думку, перспективної організації будуть розкриті в наступних статтях цього циклу.

На підтвердження доцільності всього вище зазначеного, вважаємо за потрібне навести слова секретаря Ради національної безпеки України Є. Марчука, який пише: “В новій державній стратегії щодо розвитку інтелектуального потенціалу і капіталу нації повинні органічно поєднуватись чинники економічної ефективності та конкурентоспроможності, соціалізації та гуманізації розвитку, екологізації виробництва, ринкові механізми та засоби державного регулювання сучасного типу.

Подібна ситуація передбачає перехід до принципово нової управлінської ідеології розвитку українського суспільства... – усвідомивши світові тенденції, перейти від “траєкторії переслідування” до “руху на випередження”. Такий тип руху передбачає стратегічну орієнтацію суспільства на нові випереджаючі технології у сфері виробництва та нові прогресивні засади соціальної організації”. [1]

Слід зазначити, що впровадження стійкої альтернативної структури (ОДВІК), пристосованої до умов ринку та працюючої на перспективне досягнення стратегічного розвитку економіки країни за сучасних обставин, більш за все залежить від повороту мислення вищого державного керівництва, від вирішення загальних проблем до стратегічного підходу – надання переваги розвитку “свого” національного бізнесу через пряму державну участь на місцевому рівні над усебічним залученням іноземних інвесторів.

Однак це потребує не тільки відповідних знань, але й, передусім, глибокої психологічної перебудови, зміни самого стилю та напрямку мислення. Досягнення такої позиції буде наочно визначити якісний перехід на більш високий рівень управління державою, який відповідає потребам сучасного стану розвитку України.

Література:

1. Марчук Є. Стратегічна орієнтація суспільства – рух на випередження // газета День №42. – К., 10.03.2000.
2. Пересада А. А. Інвестиційний процес в Україні. – К.: Лібра, 1998, 389 с.
3. Горбатенко В. П. Стратегія модернізації суспільства (Україна і світ на зламі тисячоліть). – К.: Академія, 1999, 239 с.
4. Губський Б. В. Інвестиційні процеси в глобальному середовищі. – К.: Наукова думка, 1998, 390 с.
5. Управление инвестициями (справочное пособие для специалистов и предпринимателей) под общей редакцией В. В. Шеремета, в 2-х т. – Москва: Высшая школа, 1998. – Т. 1. – 413 с.
6. Тумусов Ф. С. Инвестиционный потенциал региона: Теория. Проблемы. Практика. – Москва: Экономика, 1999, 267 с.
7. Талалаев М. Я. Совершенствование государственного регулирования инвестиционной деятельности // Сборник научных статей. Государство и инвестиции: актуальные проблемы макроэкономической политики. – Москва: Институт экономики Рос. АН, 1998. – С. 145–160.

Еременко Д. А.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В последнее время все больше экономистов в странах постсоветского пространства, декларируя приверженность рыночным реформам, признают пагубность неолиберальной модели, которая без учета специфики стран переходной экономики использовалась в них в 90-е годы с целью интенсификации рыночной трансформации. Альтернативный подход к разработке стратегии рыночных преобразований – институциональная модель, основанная на принципах дирижизма. [1] А это означает усиление роли государства в проведении рыночных реформ, экономическую политику, направленную на реформирование рыночных институтов.

Общепризнаны задачи, которые призвано выполнять государство в экономике любой страны. Это создание правовой базы, взвешенная социальная политика, создание общественных товаров, нейтрализация отрицательных внешних эффектов и т. п.

Значимость экономической роли государства в переходной экономике не ограничивается перечисленным выше. Она обусловлена многими обстоятельствами: многовековой традицией